

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «Л.М. И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалобы №№. 40081/14, 40088/14 и 40127/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

15 октября 2015 г.

Это постановление вступит в законную силу в обстоятельствах, предусмотренных в Статье 44 § 2 Конвенции. В него могут быть внесены изменения редакционного характера.

По делу «Л.М. и другие против России»,
Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседающий
в виде Палаты в составе:

Андраша Сайо, *Председателя,*
Мирьяны Лазарова Трайковской,
Джулии Ляффранк,
Пауло Пинто де Альбукерка,
Линоса-Александре Сицилианоса,
Эрика Мозе,
Дмитрия Дедова, *судей,*

и Сорена Нильсена, *Секретаря Секции,*

Посоветовавшись при закрытых дверях 22 сентября 2015 г.,
выносит следующее постановление, которое было принято в тот
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Это дело возникло на основании трех жалоб (№№ 40081/14, 40088/14 и 40127/14), поданных в Суд в отношении Российской Федерации в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенции») палестинцем без гражданства из Сирии, Л.М., и двумя гражданами Сирии, А.А. и М.А. («заявителями»), 29 и 30 мая 2014 г. соответственно. Председатель секции принял решение, что имена заявителей не должны разглашаться (Правило 47 § 3 Регламента Суда).

2. Интересы заявителей представляла г-жа Н.Голованчук, адвокат, осуществляющая юридическую деятельность в Москве. Интересы правительства Российской Федерации («Правительства») представлял г-н Г. Матюшин, Уполномоченный России при ЕСПЧ.

3. Заявители утверждали, в частности, что их возвращение в Сирию приведет к нарушению их прав, гарантируемых Статьями 2 и 3 Конвенции, и что их содержание под стражей в России нарушало Статьи 3 и 5 Конвенции.

4. 30 мая 2014 г. Исполняющий обязанности Председателя Первой секции принял решение указать Правительству РФ (на основании Правила 39 Регламента Суда), что заявители не должны быть высланы в Сирию на протяжении ведения разбирательств в Суде. Кроме этого, Исполняющий обязанности Председателя принял решение присвоить этим жалобам первостепенное значение в соответствии с Правилем 41 Регламента Суда.

5. 30 мая 2014 г. и 25 марта 2015 г. об этих жалобах было сообщено Правительству.

Фактическая сторона дела

I. Обстоятельства дела

6. Заявители являются гражданами Сирии или постоянно проживали в Сирии. На момент подачи жалоб они содержались в центре временного содержания иностранных граждан (ОСУСВИГ) Малоярославца, Калужская область, находящегося в ведении местного Управления ФМС.

A. Личные данные заявителей

7. Заявитель Л.М. (жалоба № 40081/14) родился в 1988 г. Он приехал в Россию 9 февраля 2013 г. и был задержан 14 апреля 2014 г. Этот человек - палестинец без гражданства, он постоянно проживал в Сирии. В момент задержания у него не было действительного документа, удостоверяющего личность, выданного каким-либо государством. Его личность была установлена сотрудником ФМС в России в 2014 г.

8. Заявитель А.А. (жалоба № 40088/14) родился в 1987 г. Он приехал в Россию 21 апреля 2013 г. и был задержан 15 апреля 2014 г.

9. Заявитель М.А. (жалоба № 40127/14) родился в 1994 г. Он приехал в Россию 21 апреля 2013 г. и был задержан 15 апреля 2014 г. У него есть брат, Ахмад А., который получил временное убежище в России, он женат на гражданке России, Альбине А.

B. Задержание заявителей и разбирательства, связанные с высылкой

10. 14 и 15 апреля 2014 г. (см. Приложение) заявители были задержаны полицией и сотрудниками ФМС на фабрике по пошиву одежды в Малоярославце.

11. 15 и 16 апреля 2014 г. (см. Приложение) Районный суд г. Малоярославца («Районный суд») рассмотрел административные дела заявителей, признал их виновными в совершении административных правонарушений (нарушении иммиграционных правил и работе без получения соответствующего разрешения) и постановил, что они должны заплатить штрафы в размере от 2 000 до 3,000 российских рублей и должны быть высланы в Сирию в соответствии с порядком, предусмотренным Статьей 3.10 § 1 КОАП. Помимо этого, заявители сообщили в суде, что в случае возвращения в Сирию их жизнь подвергнется опасности; они ссылались на информацию о существующем масштабном военном конфликте в этой стране. Суд

счел, что эти заявления носят общий характер и не подтверждаются соответствующими доказательствами. Заявители также ссылались на отсутствие работы в Сирии и на тот факт, что в России они смогли найти нелегальную работу. После этого Областной суд рассмотрел экономические мотивы их приезда и незаконного пребывания. Суд постановил, что в ожидании высылки они должны находиться в центре временного содержания иностранных граждан.

12. Адвокат, представлявшая интересы заявителей в Суде, подала апелляции в отношении всех трех заявителей подробно охарактеризовав общую ситуацию в Сирии и опасность возвращения туда, процитировав соответствующие доклады об этой стране, составленные УВКБ ООН и ФМС, и приложив их. Кроме этого, она процитировала циркуляр, изданный Федеральной службой судебных приставов 30 августа 2013 г. для ее региональных отделений, согласно которому въезд в Сирию объявлялся невозможным в связи с военными действиями и проблемами, которые возникли бы при исполнении решения суда о высылке туда. Адвокат подробно изложила свою позицию относительно того, что решения выслать заявителей не могут быть выполнены; в такой ситуации их содержание под стражей теряло бы всякий смысл и становилось бы бессрчным. Кроме этого, адвокат процитировала циркуляр ФМС от 23 января 2013 г., озаглавленный «О ситуации в Сирии и работе с лицами, прибывающими из Сирии», в котором говорилось, что «в текущей сложной политической ситуации, в которой власти Сирии не в состоянии обеспечить эффективную защиту своих граждан от незаконных действий вооруженной оппозиции... большинство заявителей... бежали из страны в результате вооруженного конфликта. ... Лицам, которым не могут возвратиться [в Сирию] без риска и которые имеют обоснованные опасения подвергнуться жестокому обращению, в т.ч. пыткам, должно быть предоставлено временное убежище». В апелляционных заявлениях также говорилось о том, что заявители просили убежища в России; таким образом, их высылка противоречила бы соответствующему законодательству. Представительство УВКБ ООН в Москве направило письмо в Калужский областной суд («Областной суд») по поводу Л.М., подтверждая свою позицию относительно его возвращения в Сирию и заявляя, что решение, касающееся высылки в эту страну в то время, пока рассматривается запрос о предоставлении убежища, нарушало бы внутрироссийское и международное законодательство. Схожие письма были направлены в отношении двух других заявителей. Помимо этого, заявители ссылались на решение Ленинградского областного суда, принятое в 2014 г., касающееся гражданина Сирии, оказавшегося в похожей ситуации (см. пункт 72 этого постановления).

13. 27 мая 2014 г. Калужский областной суд отклонил все три апелляции, после чего распоряжения о высылке вступили в силу. Он

подчеркнул незаконность пребывания заявителей в России и то, что в качестве причины отъезда из страны происхождения они ссылались на экономические сложности. Он счел, что предполагаемая угроза жизням заявителей, причиной которой является продолжающийся военный конфликт, не является сама по себе достаточным основанием для отмены высылки лиц, виновных в совершении административных правонарушений в области иммиграционного законодательства.

14. Что касается Л.М., в отдельном решении, принятом в тот же день, Областной суд отказался внести изменения в распоряжение о высылке. Суд отметил, что заявитель не подавал заявления о предоставлении убежища в России до 21 мая 2014 г., факт, который «не влиял на законность решения, вынесенного Районным судом об административном правонарушении и высылке этого заявителя».

15. 17 июня 2014 г. Федеральная служба судебных приставов г. Калуги попросила Областной суд приостановить исполнение решения, вынесенного в отношении М.А., указав, что ЕСПЧ применил Правило 39 и, таким образом, высылка не могла быть осуществлена. 30 июня 2014 г. Областной суд счел, что КОАП не предусматривает отсрочки в выполнении решения о высылке, в отличие от уплаты штрафов, и отклонил это ходатайство.

16. 4 июля 2014 г. Районный суд принял похожее решение в отношении Л.М. на основании запроса Службы судебных приставов от 1 июля 2014 г. На заседании не присутствовала ни одна из сторон, в т.ч. Л.М.

17. Из письма, направленного Калужским отделением Федеральной службы судебных приставов адвокатам заявителя 8 июля 2014 г., следует, что ее представители на тот момент не знали о решениях районного суда. Из этого письма следует, что подобное ходатайство было направлено в отношении приостановления исполнения решения, вынесенного в отношении А.А.

С. Побег А.А.

18. С 15 и 16 апреля 2014 г. заявители находятся в центре временного содержания иностранных граждан.

19. Согласно информации, полученной от Правительства в декабре 2014 г., 25 августа 2014 г. А.А совершил побег. В тот же день начальник ФМС г. Калуги подготовил внутренний отчет, в котором эти события описываются следующим образом:

«Рано утром 25 августа 2014 г., между 3 и 4 часами утра, группа иностранных лиц и лиц без гражданства, содержащихся под стражей в ожидании административного выдворения в [центре временного содержания иностранных граждан], бежала оттуда... Эта группа состояла из... [А.А.], гражданина Сирии, дата рождения 15 января 1987 г. ... Следствие установило, что эти лица

использовали незаконченную вентиляционную шахту, расположенную между землей и первыми этажами здания. Попав на первый этаж, эти лица выпрыгнули из окна на кучу строительного мусора и, накрыв приборы наблюдения... одеялом, покинули помещение центра, воспользовавшись строительными материалами, хранившимися во внутреннем дворе.

Конкретные обстоятельства этого побега устанавливаются. В отношении персонала, допустившего побег семерых иностранных граждан, проводится внутренне расследование.

Местному отделению полиции было дано указание организовать поиски сбежавших лиц».

20. Представитель заявителей заявила, что она не знала о побеге до получения информации от Правительства и выразила свою озабоченность относительно того, что оно не предоставило этой информации раньше, например, при предоставлении информации 2 сентября 2014 г.

21. В ответ на дальнейшие вопросы Суда относительно этого в своих замечаниях от 24 апреля 2015 г. Правительство пояснило, что в связи с этим административного или уголовного дела возбуждено не было, поскольку побег из центра временного содержания иностранных граждан, ожидающих депортации, не рассматривается в качестве преступления ни одним законодательством в мире. Полиция продолжала поиски сбежавших, но их местонахождение, в т.ч. местонахождение А.А, оставалось неизвестным.

22. Помимо этого, Правительство заявило, что, поскольку представленная им информация основывается на ответах компетентных государственных органов, подготовленных 4 и 8 августа 2014 г., какой-либо информации о побеге А.А. на той стадии предоставлено не было. Оно также заявило, что представители центра временного содержания иностранных граждан не обязаны были сообщать представителям задержанных о побеге, поэтому в случае А.А. они и не сделали этого.

23. Представитель заявителей подтвердила, что она не знала о побеге А.А. до встречи с двумя другими заявителями, состоявшейся 17 декабря 2014 г., и заявила, что ей неизвестно о том, где в настоящее время находится А.А.

Д. Разбирательства, связанные с предоставлением статуса беженца и убежища в России

1. Первое ходатайство А.А. о предоставлении убежища

24. Из документов, представленных Правительством в декабре 2014 г., следует, что А.А. добивался получения статуса беженца в России 5 марта 2014 г, направив соответствующее ходатайство в ФМС Московской области. 11 марта 2014 г. его ходатайство было принято

для рассмотрения по существу, заявитель был опрошен, и ему было выдано соответствующее свидетельство.

25. 26 марта 2014 г. заявление А.А. о предоставлении статуса беженца было отклонено. В решении ФМС говорилось, что он не предоставил информации, которая бы подтверждала его заявления о том, что он подвергается преследованию в Сирии. Его семья продолжала оставаться в этой стране, и он мог бы использовать «альтернативу внутреннего перемещения» в другую часть Сирии или попросить убежища в транзитной стране. Он обосновывал свой запрос о том, чтобы остаться в России, желанием работать там и, таким образом, не подпадал под определение понятия «беженец».

26. Заявитель не получил копию этого решения и не подавал апелляцию на него.

2. Ходатайства заявителей о предоставлении убежища после задержания

27. После задержания трое заявителей подали ходатайства о предоставлении статуса беженцев. Они представили соответствующие ходатайства в местное отделение ФМС в Калуге: М.А. и А.А. 14 мая 2014 г., а Л.М. 21 мая 2014 г.

28. 28 мая 2014 г. трое заявителей также подали ходатайства о предоставлении им временного убежища в России, они были составлены на русском языке и переведены З.А.

29. В июне 2014 г. трое заявителей были опрошены ФМС Калуги. Они показали, что причиной их отъезда из Сирии являются война и опасения за свою жизнь. А.А. сообщил, что он родом из Алеппо, и что после отъезда в 2013 г. он потерял связь со своей семьей, родителями, а также братьями и сестрами. М.А. сообщил, что он покинул Алеппо после того, как его район был захвачен «террористами», которые убили там десятки людей, в т.ч. его близких родственников-мужчин, свидетелем чего он стал. Он также потерял связь со своей семьей после декабря 2013 г. Л.М. жил в Дамаске, но не имел права вернуться туда, поскольку он является палестинцем без гражданства. Он также утратил связь с членами своей семьи, которые остались в Сирии. Все заявители подчеркнули, что они опасаются возвращаться домой в связи с военными действиями, которые и привели к их отъезду, и заявили, что они опасаются насильственного призыва в вооруженные силы.

30. 16 июня 2014 г. ФМС г. Калуги приняла решение о том, что их ходатайства должны быть рассмотрены по существу и выдало им соответствующие свидетельства.

31. В ходе параллельных разбирательств, также проводившихся в июне 2014 г., трое заявителей были опрошены ФМС для предоставления им временного убежища в России.

32. 17 июля 2014 г. Л.М. подписал документ, составленный на русском языке, в котором говорилось, что он попросил не рассматривать его ходатайство о предоставлении «временного убежища в России от 28 мая 2014 г.», поскольку он «намеревается вернуться домой в Сирию». Этот документ был также подписан переводчиком З.А.

33. В тот же день похожий документ был подписан А.А., который заявил, что «он и его жена планируют отправиться в Турцию». Этот документ был также подписан переводчиком З.А.

34. Согласно информации, представленной Правительством 3 декабря 2014 г., эти ходатайства послужили основой для принятия ФМС решений о прекращении разбирательств в отношении этих двух заявителей, как в отношении их ходатайства о предоставлении статуса беженца, так и предоставления временного убежища. Документов об этом предоставлено не было.

35. 16 сентября ФМС Калуги приняла решение отклонить ходатайство М.А. о предоставлении ему статуса беженца. Она считала, что он не сталкивается с угрозой преследования по причинам, изложенным в Законе о беженцах. 17 сентября 2014 г. ФМС Калуги отказала ему в предоставлении временного убежища по тем же самым причинам.

36. 28 ноября 2014 г. Областной суд рассмотрел апелляцию М.А. на решение не предоставлять ему временное убежище. Он не был доставлен в суд, хотя в решении говорилось, что он был извещен о проведении заседания, и у него не было представителя. Представитель ФМС явился в суд и повторно кратко изложил причины решения ФМС отказать заявителю в предоставлении как статуса беженца, так и временного убежища и подтвердил, что причины рассматривать его в качестве лица, нуждающегося в защите, отсутствуют. Ни информация об общей ситуации в Сирии, ни информация заявителя о ситуации в Алеппо, не были затребованы и не обсуждались. Решение суда было направлено М.А. 5 декабря 2014. Неизвестно, подавал ли он апелляцию на него.

3. Следующий раунд разбирательств

37. 30 сентября 2014 г. М.А. и Л.М. направили новые письменные ходатайства о предоставлении им статуса беженцев, которые были приняты к рассмотрению ФМС Калуги 7 октября 2014 г. Однако 15 октября 2014 г. оба заявителя подписали документы, составленные на русском языке, в которых говорилось, что они попросили не рассматривать их ходатайства о предоставлении «временного убежища в России от 28 сентября 2014 г.». В этих документах говорилось, что они были составлены и переведены З.А.

38. В своих замечаниях от 2 декабря 2014 г. Правительство пояснило, что противоречивая позиция, занятая Л.М., лишила ФМС возможности рассмотреть его новое ходатайство по существу дела. Новое ходатайство М.А. также не рассматривалось.

Е. Условия содержания заявителей под стражей и доступ к представителям

39. Заявители сообщили, что на свидания с их представителями были наложены серьезные ограничения. В результате, несмотря на многочисленные попытки и жалобы, у М.А. и Л.М. состоялась всего одно свидание с ними 17 декабря 2014 г. У М.А. состоялось одно свидание с его братом и Альбиной А. 22 октября 2014 г., оно продолжалась примерно 10 минут. До своего побега из центра временного содержания иностранных граждан у А.А. вообще не было встреч со своим представителем (см. пункты 20-23 этого постановления).

40. Заявители представили копии своей переписки с различными представителями ФМС Калуги и областной прокуратуры по поводу их содержания под стражей и возможности встретиться со своими представителями. Из этих документов следует, что в нескольких случаях два адвоката заявителей, г-жа Голованчук и г-жа Ермолаева, член Калужской коллегии адвокатов, и г-н П.К., член калужского отделения Правозащитного центра «Мемориал», которые помогали заявителям в составлении жалоб, г-жа Любовь М.-Е., а также брат М.А. и его жена обращались в эти учреждения по поводу недопущения их в центр временного содержания иностранных граждан и условий содержания лиц, находящихся там. Содержание этих документов может быть кратко изложено следующим образом.

1. Содержание под стражей в апреле – октябре 2014 г.

41. 3 марта 2014 г. Начальник центра временного содержания иностранных граждан ответил г-же Любви М.-Е., сообщив, что посещения адвокатов и правозащитников возможны ежедневно с 11.30 до 12.30. 14 апреля 2014 г. ФМС Калуги сообщила областной прокуратуре, что посещения представителей, родственников и правозащитников возможны на основании письменного ходатайства лиц, содержащихся под стражей, или на основании письменной ходатайства их представителей или правозащитников, если они сопровождаются письменным ходатайством лица, содержащегося под стражей, о необходимости оказания ему юридической помощи. Для обеспечения нормальной работы центра посещения, не укладывающиеся во временные рамки, отведенные для посещений, должны были заранее согласовываться с администрацией. Если лицо,

содержащееся под стражей, ходатайствует о том, чтобы какое-либо лицо представляло его интересы, центр рассматривает вопрос обеспечения посещения его представителем в сопровождении нотариуса, который заверяет доверенность.

42. 25 апреля 2014 г. адвокат заявителя Л.М. обратилась в Калужскую областную прокуратуру. Она обратила внимание на то, что заявителю было отказано во встрече со своим представителем и что условия содержания в центре временного содержания иностранных граждан строже условий содержания тех, кто находится под стражей по обвинениям в совершении уголовных преступлений. Большую часть дня задержанные находились в помещении, они были лишены средств связи, возможности общения и не могли общаться друг с другом или со своими представителями. Кроме этого, в письме указывалось на отсутствие воздушного сообщения с Сирией и невозможность выслать туда заявителя.

43. 17 мая 2014 г. ФМС Калуги проинформировала областную прокуратуру о том, что 24 апреля 2014 г. г-жа Любовь М.-Е. попросила разрешить ей встречу с тремя заявителями и гражданином Узбекистана Т. Сотрудники центра отказались разрешить ей встретиться с заявителями в связи с отсутствием переводчика, что делало невозможным общение с ними. Она попыталась передать заявителям документы на русском языке (жалобы на решения российского суда) через Т., но они были обнаружены сотрудниками центра. Г-же Любви М.-Е. было рекомендовано прийти в центр в сопровождении переводчика. Кроме этого, задержанные подписали документы, в которых они отказывались от встречи с г-жой Любовью М.-Е., поскольку она требовала с них деньги за свои услуги.

44. 26 мая 2014 руководитель НПО «Гражданское содействие» обратилась в ФМС Москвы. Она отметила, что содержание заявителей в центре временного содержания иностранных граждан при отсутствии его сроков или цели является незаконным, поскольку их высылка не может быть осуществлена. Кроме этого, она указала на то, что заявители представили ходатайства о предоставлении временного убежища, и что их условия содержания под стражей являются бесчеловечными и унижающими достоинство, поскольку их плохо кормят и поскольку они практически лишены прогулок, упражнений на открытом воздухе, содержательной деятельности и информации. Помимо этого, в письме говорилось, что сотрудники центра временного содержания иностранных граждан угрожали заявителям и подвергали их нападкам, а также о том, что на заявителей оказывалось давление с целью вынудить их отозвать ходатайства о предоставлении убежища. В письме также говорилось о трудностях, связанных с организацией свиданий с заключенными.

45. 10 июня 2014 г. адвокаты заявителей направили письмо в Генеральную прокуратуру, копии этого письма были направлены в Областную прокуратуру г. Калуги и ФМС. Они заявили, что условия содержания заявителей под стражей представляют собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. М.А. был поставлен диагноз «пневмония», но он не получал необходимой медицинской помощи. Заявители не имели возможности встретиться со своими родственниками и представителями. Еда была плохого качества, заявителей в основном кормили кашами, ее зачастую приносили холодной. Заявители жаловались, что они подвергались нападкам и угрозам со стороны персонала; в случае подачи жалобы им угрожали репрессиями и требовали отозвать ходатайства о предоставлении убежища и отказаться от услуг их представителей. В отсутствие реальной возможности высылки заявителей в Сирию их содержание под стражей превратилось в бессрочное наказание без возможности его пересмотра.

46. 11 июня 2014 г. ФМС Калуги направила письмо Уполномоченному по правам человека Калужской области, отметив, что 27 мая 2014 г. Областной суд отклонил апелляции заявителей (см. пункт 13 этого постановления) в то время как им оказывали помощь адвокат и переводчик. В своем письме от 29 июля 2014 г. ФМС Калуги сообщила областной прокуратуре, что права задержанных не были нарушены. Судебные слушания, состоявшиеся 30 июня 2014 г., касавшиеся отсрочки приведения в исполнение распоряжения о высылке (см. пункт 15 этого постановления), не требовали присутствия заявителей, 17 июля 2014 г. в центр временного содержания иностранных граждан был приглашен переводчик, он перевел заявителям решение суда. В тот же день М.А. принял решение отозвать ходатайство о предоставлении временного убежища и отказаться от дальнейшей помощи г-жи Любови М.-Е., подписав соответствующие документы.

47. В своих письмах, направленных адвокату заявителей 29 июля и 12 августа и областной прокуратуре 30 июля 2014 г., ФМС Калуги предоставила информацию о медицинской помощи, предоставленной заявителям. Что касается М.А., в этих письмах говорилось, что он был обследован доктором после поступления, что переводчик оказывал ему помощь 9 июня 2014 г. во время общения с врачом центра временного содержания иностранных граждан, осуществлявшим лечение, и что 14 и 25 июня он был осмотрен врачом еще раз и направлен на рентген грудной клетки. Состояние его здоровья оценивалось как «удовлетворительное», оно улучшалось. В письмах также говорилось, что помещения центра временного содержания иностранных граждан оборудованы вентиляционной системой, что душ и туалеты, хотя и не находятся в каждом помещении, переделываются, чтобы в дальнейшем

располагаться на одном этаже, что есть внутренний двор для прогулок, и что персонал центра временного содержания иностранных граждан обращается с задержанными с уважением, ни в коем случае не допуская обращения, которое могло бы привести к возникновению конфликтов. В штате центра временного содержания иностранных граждан имеются врач, психолог и специалист по медицинской дезинфекции. 17 июля 2014 г. М.А. подписал документ, в котором он отказывался от дальнейшей помощи г-жи Любви М-Е. В тот же день другие два заявителя также выразили желание отозвать свои ходатайства о предоставлении убежища.

2. Встреча М.А. с родственниками, состоявшаяся 22 октября 2014 г.

48. 22 октября 2014 г. М.А. подписал письмо, составленное на русском языке и адресованное ФМС Калуги, в котором говорилось, что ее сотрудники заставили его подписать документы, составленные на русском языке, смысл которых он не понимал, и на основании которых, как выяснилось, отзывалось его ходатайство о предоставлении убежища и препятствовало свиданию с его представителем, г-жой Любовью М.-Е. В результате он не встретился с ней, и единственным свиданием, которое он получил, было свидание с его братом и невесткой, состоявшееся 22 октября 2014 г., оно продолжалось всего десять минут. Помимо этого, заявитель сообщил, что он и Л.М. подвергались постоянному контролю, получали угрозы от персонала и не имели возможности писать и отправлять письма, а также подавать жалобы. Такое обращение было предположительно связано с их обращением в Суд. Документы, подписанные заявителями относительно нежелания рассмотрения их ходатайств о предоставлении убежища, были получены под давлением, заявители не имели представления о том, что подписывают. Ходатайства заявителей о предоставлении свиданий с родственниками и представителями не были удовлетворены. Кроме этого, он пожаловался на то, что ему не выдавали средства личной гигиены, что он не мог бриться или подстригать волосы, что его и Л.М. держали в изоляции и они практически не общались с другими задержанными, якобы потому, что он обратился в Суд. Им также было сказано, что их высылка в Сирию произойдет в любом случае и что их жалобы ни к чему не приведут. В конце письма содержалась просьба разрешить беспрепятственные свидания с родственниками и представителями, в т.ч., с г-жой Любовью М.-Е.

49. 27 октября 2014 г. Альбина А., невестка М.А., обратилась с письмом в московскую правозащитную НПО «Гражданское содействие». В тот же день она и ее муж, Ахмад А., брат заявителя, предоставили адвокатам заявителя в Москве письменные показания

под присягой (аффидевиты). Из этих документов следует, что оба брата покинули сирийской город Алеппо из-за боевых действий, происходивших там, что район, в котором они жили, был разрушен, что многие их родственники были убиты и что они потеряли связь с оставшимися в живых членами семьи. Они смогли встретиться с М.А. всего один раз; это краткое свидание состоялось 22 октября 2014 г. Оно длилось примерно десять минут и проходило в присутствии сотрудника центра. После того, как М.А. начал писать жалобу на арабском языке, ее забрал сотрудник центра, сказавший, что это запрещено. М.А. не знал, что до свидания со своими родственниками он подписал отказ от ходатайства о предоставлении убежища. Он заявил, что подписал документы под давлением со стороны сотрудников ФМС. Его брату удалось скрытно получить его подпись на жалобе и ходатайстве предоставить свидание с родственниками и представителем, г-жой Любовью М.-Е. Кроме этого, М.А. сказал им, что 21 октября его посетила сотрудница Калужского ФМС (Марина Владимировна) в сопровождении переводчика, которая сказала ему, что он будет выслан в Сирию, как только посольство Сирии выдаст его проездные документы.

50. 27 октября 2014 г. П.К., член Калужской коллегии адвокатов, направил жалобу в Калужскую областную прокуратуру. Он заявил, что в тот день он прибыл в центр временного содержания иностранных граждан и предъявил документ, подтверждающий, что он представляет интересы М.А., а также копию своего удостоверения о членстве в коллегии адвокатов; однако персонал центра отказался разрешить ему встретиться с его подзащитным, ссылаясь на отсутствие письменного соглашения о том, что он представляет интересы заявителя, или разрешение на проведение свидания, выданного Калужской ФМС. Кроме этого, сотрудники ФМС сообщили ему, что рассмотрение его ходатайства займет месяц. П.К. ссылаясь на положения российского законодательства, которые разрешают адвокату встречаться со своим подзащитным и попросил не лишать того права на получение юридической помощи.

3. Свидание М.А. и Л.М. со своими представителями, состоявшееся 17 декабря 2014 г.

51. 17 декабря 2014 г. адвокаты г-жа Голованчук и г-жа Ермолаева встретились с двумя и заявителями и получили от них письменные показания под присягой (аффидевиты) относительно их содержания под стражей и ситуации с ходатайством о предоставлении убежища.

52. Л.М. заявил, что он содержится в просторном помещении вместе еще с тремя задержанными; в помещении имеется туалет и холодная вода. Душ, находящийся на другом этаже, можно принимать ежедневно, предварительно подав заявление. Комната содержалась в

чистоте, в ней было достаточно естественного и искусственного освещения, искусственное освещение на ночь выключалось. Проблем с насекомыми не было, постельное белье меняли каждую неделю. Лица, содержащиеся под стражей, днем и ночью находились в помещении за исключением того времени, когда они выходили на прогулку. В центре временного содержания иностранных граждан имелось четыре медицинских сестры, которые предоставляли необходимую медицинскую помощь. Он настаивал на рассмотрении своего ходатайства о предоставлении убежища и на предоставлении неограниченного доступа и возможности общаться со своим представителем, в т.ч. в письменной форме. Л.М. заявил, что 27 августа 2014 г., после бегства некоторых лиц, содержащихся под стражей, он подвергся физическому насилию со стороны персонала; один из сотрудников центра больно выкрутил ему руку.

53. М.А. заявил, что, находясь в центре временного содержания иностранных граждан, он был дважды избит: в июле 2014 г., когда персонал центра обнаружил, что у него есть Коран, и 25 августа, когда один из сирийцев бежал. Его избивали для того, чтобы он рассказало все, что он знал о побеге. После избиений он не мог встать с кровати три дня и не мог есть. Он заявил, что ему не разрешали подавать жалобы или отправлять письма, ему было отказано во встречах со своими представителями и родственниками. Ему не разрешили явиться на судебное заседание, состоявшееся 28 ноября 2014 г. (см. пункт 36 этого постановления) даже несмотря на его просьбы. Он также подтвердил, что он хотел встретиться со своими представителями, в т.ч., с г-жой Любовью М.-Е., и ожидал, что его ходатайство о предоставлении убежища будет рассмотрено. Он заявил, что сотрудники ФМС угрожали и говорили ему, что его жалобы не помогут ему и что он в любом случае проведет в тюрьме два года.

54. После получения этой информации 17 декабря 2014 г. адвокаты заявителей направили письмо в Калужскую областную прокуратуру, указав на незаконный характер содержания заявителей под стражей, поскольку их высылка не может быть осуществлена и поскольку не существует сроков или возможности пересмотра их содержания под стражей. Они также указали на то, что условия содержания заявителей под стражей схожи с условиями содержания под стражей лиц, ожидающих суда, но ограничения в отношении посещения и обмена письмами являются незаконными и прямо противоречат информации, содержащейся в письмах, полученных от руководства центра временного содержания иностранных граждан. В письме говорилось, что отсутствие контактов с родственниками, адвокатами и представителями может быть само по себе приравнено к бесчеловечному обращению, поскольку оно оказывает серьезное психологическое воздействие на заявителей.

55. В тот же день М.А. подписал ходатайство, адресованное ФМС Калуги, в котором содержалась просьба разрешить свидания с его представителями г-жой Голованчук, г-жой Ермолаевой и г-жой Любовью М.-Е., а также его братом Ахмадом А. и невесткой Альбиной А.

4. Информация об условиях содержания заявителей под стражей, представленная Правительством

56. В ответ на дополнительные вопросы Суда в апреле 2015 г. Правительство представило более подробную информацию об условиях содержания заявителей под стражей.

57. 30 марта 2014 г. начальник ФМС Калуги приказал начальнику центра временного содержания иностранных граждан разрешить близким родственникам свидания с лицами, содержащимися в центре, на основании документа, доказывающего их родство. Разрешения на свидания с представителями и правозащитниками могут даваться начальником ФМС Калуги; лицо, содержащееся под стражей, должно направить начальнику центра соответствующее письменное ходатайство.

58. Согласно ежедневному распорядку дня центра, утвержденному его начальником 15 ноября 2014 г., дневные прогулки одного заключенного должны продолжаться не менее часа. Час в день выделялся на телефонные разговоры и еще час (с 11.30 до 00.30) на свидания с посетителями и получение посылок. Час в день был выделен для встреч с представителями администрации.

59. Правительство представило выписки из медицинских карт заявителей, из которых следует, что они были осмотрены врачом после прибытия в центр; было установлено, что они здоровы. В июне 2014 г. А.А. лечили от бронхита и пневмонии, и 14 июля 2014 г. было установлено, что состояние его здоровья улучшается. Кроме этого, 10 июня у него было зафиксировано повышенное кровяное давление, ему была оказана необходимая медицинская помощь. У Л.М. были обнаружены пульпит и проблемы с желудком, он получил соответствующее лечение. С 10 мая 2014 г. по 17 февраля 2015 г. он пять раз посещал врача. М.А. не обращался за медицинской помощью ни разу.

60. По информации, предоставленной Правительством, Л.М. и М.А. содержались в помещении № 15, находящемся на втором этаже двухэтажного здания, площадью 47 кв.м., в котором находилось шесть человек. В этой комнате имелся туалет, на первом этаже имелась общая ванная комната. Площадь внутреннего двора составляла 180 кв.м. Правительство предоставило фотографии помещений, санузлов, столовой и двора.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Законодательство, касающееся высылки и содержания под стражей иностранных граждан

61. В соответствии с разделом 34(5) Закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (Закон № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г.), иностранные граждане, подлежащие административному выдворению, которые были помещены под стражу в соответствии с решением суда, содержатся в специальных учреждениях в ожидании выполнения такого решения об административном выдворении.

62. Статья 3.10 § 1 КОАП содержит следующее определение понятия «административное выдворение»: административное выдворение – это насильственное и контролируемое перемещение иностранного гражданина или лица без гражданства через государственную границу РФ. В соответствии со статьей 3.10 § 2, решение об административном выдворении принимается судьей или, в случаях, когда административное правонарушение было совершено иностранным гражданином или лицом без гражданства после въезда на территорию РФ, компетентным сотрудником государственных органов. В соответствии со статьями 3.10 § 5, 27.1 § 1 и 27.19 § 2, для выполнения решения об административном выдворении судья может распорядиться, чтобы иностранный гражданин или лицо без гражданства были помещены в специальное учреждение, которое они не могут самостоятельно покидать.

63. В соответствии со статьей 31.9 § 1, решение об административном выдворении теряет силу по истечении двух лет с момента вступления такого решения в силу.

64. Статья 3.9 предусматривает, что лицо, совершившее административное правонарушение, может быть наказано административным задержанием в исключительных случаях максимум на тридцать дней.

В. Постановление 6-П Конституционного суда

65. В постановлении № 6-П от 17 февраля 1998 г. Конституционный суд констатировал, ссылаясь на Статью 22 Конституции, касающуюся права на свободу и личную неприкосновенность, что лицо, подлежащее административному выдворению, может быть помещено под стражу без решения суда на срок, не превышающий сорока восьми часов. Содержание под стражей после истечения сорока восьми часов разрешается только на

основании решения суда при условии, что административное выдворение не может быть осуществлено иным образом. Постановление суда необходимо для гарантирования защиты не только от произвольного заключения под стражу на срок, превышающий сорок восемь часов, но также от произвольного заключения под стражу самого по себе, поскольку суд оценивал законность и причины заключения лица под стражу. Помимо этого, Конституционный суд констатировал, что содержание под стражей в течение неопределенного периода времени может быть приравнено к неприемлемому ограничению права на свободу, поскольку оно представляет собой наказание, не предусмотренное в российском законодательстве и противоречащее Конституции.

С. Законодательство, касающееся предоставления статуса беженца и временного убежища

66. Краткое изложение соответствующих общих положений закона РФ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (Закон № 4258-1 от 19 февраля 1993 г.) приведено в деле *«Казымахунов против России»* (№ 29604/12, §§ 83-86, 14 ноября 2013 г.).

67. Краткое изложение соответствующих положений, касающихся предоставления временного убежища, приведено в деле *Тухтамуродов против России* ((реш.), № 21762/14, 20 января 2015 г., §§ 24-27).

Д. Ситуация с гражданами Сирии в России

1. Ситуация с претендентами на получение убежища

68. 30 августа 2013 г. Федеральная служба судебных приставов направила циркуляр своим региональным отделениям, согласно которому въезд на территорию Сирии объявлялся невозможным в связи с военными действиями и, таким образом, им давались указания сообщать главному управлению обо всех проблемах, возникающих в связи с выполнением решений суда, в которых предписывается осуществлять высылку в Сирию.

69. ФМС опубликовало статистические данные о количестве граждан Сирии, обратившихся за получением статуса беженцев и территориального убежища в России с 1 января 2011 г. по 1 ноября 2014 г. Согласно этим данным, общее число лиц из Сирии, обратившихся за получением статуса беженцев в России, составило 1 714 человек, статус беженца не было предоставлен ни одному из них. В течение того же периода времени за получением временного

убежища обратилось 3 165 граждан Сирии, оно было предоставлено 2 523 из них.

70. 28 октября 2014 г. НПО «Гражданское содействие» обнародовала информационный бюллетень, посвященный ситуации с сирийскими беженцами в России, в котором говорилось, что в 2013 г. ФМС начала предоставлять временное убежище гражданам Сирии. По состоянию на 1 сентября 2014 г. временное убежище было предоставлено примерно 2 200 лицам. «Гражданское содействие» подсчитало, что это составляет примерно одну десятую от общего количества сирийцев, прибывших в Россию и бежавших от военного конфликта в Сирии. В этом отчете перечислялись причины, по которым другие лица не смогли получить этот статус, в т.ч., проблемы практического характера, такие как проблемы с доступом, отсутствие информации и услуг переводчиков, политика отдельных регионов, которые вообще отказывались удовлетворять ходатайства о предоставлении убежища, и т.д. В отчете говорилось, что, хотя ФМС и предоставляет убежище гражданам Сирии, в то же время она продолжала относиться ко многим сирийским беженцам, как к лицам, совершившим обычные административные правонарушения, и поддерживала их высылку в Сирию, даже несмотря на то, что ее невозможно было осуществить. В 2014 г. позиция ФМС по отношению к претендентам на получение убежища ужесточилась. «Гражданское содействие» получила информацию о многочисленных решениях, принятых в различных регионах. Они демонстрировали, что решения об отказе в предоставлении убежища постоянно ссылались на отсутствие персональных причин для предоставления убежища.

2. Решения российских судов по отдельным делам

71. 13 декабря 2013 г. судья Верховного суда, действуя в соответствии с процедурой пересмотра в порядке надзора, изменил решения Пятигорского городского суда и Ставропольского областного суда, согласно которым М.А.Р. должен был быть подвергнут штрафу и административному выдворению (это решение вступило в силу 29 мая 2013 г.). Судья Верховного суда сослался на международные документы, запрещающие пытки и жестокое обращение, и учел доводы ответчика о том, что он не может вернуться в связи с военными действиями. Помимо этого, судья учел циркуляр Федеральной службы судебных приставов от 30 августа 2013 г. и письмо Уполномоченного по правам человека Ставропольского края о гражданской войне и тяжелой гуманитарной ситуации в Сирии. На основании выше изложенного он изменил решения судов нишей инстанции и исключил наказание в виде высылки. В решении также говорилось, что М.А.Р. должен быть освобожден из центра временного содержания иностранных граждан.

72. 13 февраля 2014 г. Ленинградский областной суд принял решение по делу гражданина Сирии Ахмада А. 24 января 2014 г. районный суд признал его виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 18.8 КОАП, оштрафовал его и распорядился о его административном выдворении. Областной суд отметил, что Ахмад А. подавал ходатайство о предоставлении временного убежища в России и что 30 августа 2013 г. Федеральная служба судебных приставов подтвердила, что вернуться в Сирию не представляется возможным. Таким образом, он исключил дополнительное наказание в виде административного выдворения и распорядился об освобождении ответчика из центра временного содержания иностранных граждан ФМС.

73. В другом решении от неустановленной даты 2014 г., Московский областной суд изменил решение Балашихинского районного суда, который признал гражданина Сирии «АМ» виновным в нарушении статьи 18.8 КОАП. Районный суд наложил на «АМ» штраф и распорядился отпустить его; он не был заключен под стражу. Областной суд сослался на международные документы, посвященные правам человека, в которых запрещается высылка в тех случаях, когда есть угроза жизни и здоровью. Он учел рекомендацию УВКБ ООН от октября 2013 о необходимости воздерживаться от принудительного возвращения и отметил намерение ответчика подать ходатайство о предоставлении убежища в России. В этой ситуации он отменил распоряжение о выдворении.

Е. Условия содержания под стражей

74. 30 декабря 2013 г. Правительство России приняло постановление № 1306, предусматривающее правила содержания иностранных граждан в ожидании их высылки или депортации в соответствии с административным решением. Эти правила вступили в силу 1 января 2014 г.

75. Согласно этим правилам, лица, содержащиеся в центрах, учрежденных ФМС и находящихся в ее ведении, не имеют права их покидать. Эти правила предусматривают, что на одного человека должно приходиться минимум шесть кв.м. или четыре с половиной метра в помещениях, где установлены нары. В штате центров должны иметься медицинские работники, которые осматривают поступающих и выбывающих лиц и предоставляют им медицинскую помощь в случае необходимости. Помимо этого, в правилах излагаются права и обязанности лиц, содержащихся в заключении, нормы пищевого рациона и перечень санитарно-гигиенических средств, выдаваемых заключенным.

III. СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ О СИТУАЦИИ В СИРИИ И СИТУАЦИИ С БЕЖЕНЦАМИ

76. 8-ой отчет независимой международной комиссии по расследованию ситуации в Сирийской Арабской Республике, учрежденной 22 августа 2011 г. Советом ООН по правам человека на основании резолюции S-17/1 (A/HRC/27/60, 13 августа 2014 г.), гласит:

«Выводы, изложенные в этом отчете, основывающиеся на 480 собеседованиях и свидетельских показаниях, проведенных и собранных с 20 января по 15 июля 2014 г., позволяют прийти к выводу, что действия враждующих сторон в Сирийской Арабской Республике привели к неизмеримым страданиям гражданских лиц.

Правительственные силы продолжали совершать расправы и осуществлять массированные нападения на мирных граждан, систематически осуществляя убийства, пытки, изнасилования и насильственные похищения, которые могут быть приравнены к преступлениям против человечности. Правительственные силы допускали грубые нарушения прав человека и совершали военные преступления, заключавшиеся в убийствах, взятии заложников, пытках, изнасилованиях, сексуальном насилии, вербовке и использовании детей в военных действиях и убийствах мирных жителей. Правительственные силы игнорировали особую защиту, предоставляемую госпиталям, а также сотрудникам медицинских и гуманитарных организаций. Беспорядочные и несоразмерные бомбардировки и обстрелы привели к массовым жертвам среди мирных граждан и стали источником террора. Правительственные силы использовали хлор-газ, запрещенное оружие.

Неправительственные вооруженные группировки, перечисленные в отчете, совершали расправы и военные преступления, в т.ч. убийства, казни без проведения надлежащего судебного процесса, пытки, взятие заложников, нарушения международного гуманитарного законодательства, равносильные насильственным похищениям, изнасилования, сексуальное насилие, вербовку и использование детей в военных действиях и нападения на объекты, имеющие статус охраняемых. Жертвами насилия стали сотрудники медицинских учреждений и религиозных организаций, а также журналисты. Вооруженные группировки осаждали и беспорядочно обстреливали районы, в которых проживало мирное население, в некоторых случаях терроризируя гражданское население, совершая подрывы автомобилей в местах проживания гражданского населения. Члены ИГИЛ совершали пытки, убийства, действия, равносильные насильственным похищениям, и насильственные перемещения в рамках нападений на гражданское население в провинциях Алеппо и Ар Ракка, которые могут быть приравнены к преступлениям против человечности».

77. Начиная с марта 2012 г. УВКБ ООН опубликовало несколько документов, в т.ч. документы, озаглавленные «Позиция относительно возвращения в Сирийскую Арабскую Республику», а позже - «Соображения относительно международной защиты, касающейся лиц, бегущих из Сирийской Арабской Республики» с уточненной информацией. Последний из них, «Обновление III» от 27 октября 2014 г., гласит:

«2. в настоящее время почти все части этой страны охвачены насилием, источником которого являются различные действующие силы, участвующие в частично налагающихся друг на друга конфликтах, которые осложняются участием иностранных наемников на сторонах всех участников. Продолжаются бои между силами, поддерживаемыми сирийское правительство, и целым рядом антиправительственных вооруженных группировок. Параллельно с этим группировка ИГИЛ захватила контроль над значительными районами на севере и севере-востоке Сирии, она регулярно участвует в вооруженных столкновениях с антиправительственными вооруженными группировками, курдскими силами (отрядами народной самообороны), а также правительственными силами. Авиаудары по целям ИГИЛ, которые начали наноситься 23 сентября 2013 г., еще более осложнили этот конфликт. Поскольку усилия других стран по поиску политического решения ситуации в Сирии на сегодняшний день ни к чему не привели, этот военный конфликт продолжает оставаться источником жертв среди мирного населения, его перемещений и разрушения инфраструктуры этой страны. ...

Жертвы среди мирного населения

4. По имеющимся данным, к апрелю 2014 г. количество лиц, убитых в ходе этого конфликта, превысило 191,000 человек. Наибольшее количество смертей было зафиксировано в провинции Сельский Дамаск, за ней следуют провинции Алеппо, Хомс, Идлиб, Дераа и Хама. По имеющимся данным, ухудшение работы системы здравоохранения Сирии привело к тысячам смертей лиц от хронических заболеваний, которые в обычных условиях не приводят к смертям, преждевременным смертям, вызванным инфекционными заболеваниями, которые в обычных условиях не приводят к смертям, проблемам с новорожденными и плохому питанию. Помимо этого, конфликт привел к появлению сотен тысяч раненых, которые стали нетрудоспособными, гораздо больше людей страдает от психологических последствий того, что они являются свидетелями насилия, потери близких, перемещений и лишений.

Вынужденное перемещение

5. Конфликт в Сирии стал причиной самого крупного кризиса перемещения беженцев нашего времени, сейчас сирийцы являются самым крупным в мире народом-беженцем под мандатом УВКБ ООН. Этот конфликт продолжает быть источником постоянно увеличивающегося количества перемещенных лиц, в 2014 г. каждый месяц в страны этого региона, оказывающие приют беженцам, в среднем прибывало 100 000 беженцев. С марта 2014 г. конфликт в Сирии привел к перемещению почти половины населения страны, из них 6,45 млн. человек переместились в пределах Сирии и свыше 3,2 млн. зарегистрированных беженцев бежали в соседние страны. ...

Ситуация с правами человека и нарушения международного гуманитарного законодательства

8. Ситуация в Сирии все более ухудшается. По словам Генерального секретаря ООН, «[Э]тот конфликт продолжает характеризоваться ужасающими нарушениями международного гуманитарного законодательства и попранием прав человека с тотальным игнорированием принципов гуманности»; Независимая комиссия по расследованиям охарактеризовала в своем последнем докладе влияние действий противоборствующих сторон на мирное население как причиняющее «невыносимые страдания». Сообщается, что стороны конфликта совершают военные преступления и допускают серьезные нарушения прав человека, в т.ч., практически безнаказанно

совершают действия, приравняющиеся к преступлениям против человечности. ...

Доступ к территории и право на предоставление убежища

21. УВКБ ООН называет бегство мирных жителей из Сирии исходом беженцев. Сирийские и палестинские беженцы, ранее постоянно проживавшие в Сирии, нуждаются в международной защите до тех пор, пока ситуация с безопасностью и правами человека в Сирии не улучшится, и до тех пор, пока не возникнут условия для добровольного и безопасного возвращения туда. ...

Оценка ходатайств о предоставлении убежища

26. Хотя большинство сирийцев и других лиц, покидающих эту страну, оседает в этом регионе, продолжает увеличиваться количество людей, прибывающих в страны, находящиеся вдалеке от Сирии и ищущих международной защиты. Их ходатайства необходимо оценивать с помощью справедливых и эффективных процедур. УВКБ ООН считает, что большинство сирийцев, добивающихся международной защиты, вероятно, подпадает под определение понятия «беженец», сформулированное в Статье 1А(2) *Конвенции ООН о статусе беженцев* от 1951 г., поскольку они имеют обоснованные опасения подвергнуться преследованиям по одному из оснований, предусмотренных в Конвенции. Для многих гражданских лиц, бежавших из Сирии, связь с этой Конвенцией обуславливается прямой или косвенной, реальной или предполагаемой принадлежностью к одной из сторон этого конфликта. Для того чтобы человек соответствовал критериям беженца, к нему не предъявляется требования подвергаться преследованиям в том смысле, чтобы быть «выбранным» для преследования, которое уже имело место, или подвергаться такой опасности. Сирийцы и лица, постоянно проживавшие в Сирии, которые бежали оттуда, могут, например, подвергаться риску преследования в связи с приписываемыми им политическими взглядами в зависимости от того, кто контролирует район или деревню, где они жили, или потому, что они принадлежат к религиозному или этническому меньшинству, которое ассоциируется или воспринимается как ассоциирующееся с конкретной стороной конфликта. В связи с этим УВКБ ООН приветствует постоянно увеличивающееся количество случаев предоставления статуса беженцев претендентам на этот статус из Сирии в 2014 по сравнению с 2013 г., когда большинство стран-членов ЕС главным образом предоставляло сирийцам вспомогательную защиту. ...

Возвращения, мораторий на насильственные возвращения и рассмотрение заявлений о предоставлении убежища лицами, которые покинули родину до ухудшения ситуации там

30. Поскольку в ближайшем будущем ситуация в Сирии, вероятнее всего, будет оставаться неопределенной, УВКБ ООН приветствует тот факт, что правительства нескольких государств предприняли меры по приостановке насильственной высылки граждан Сирии или лиц, постоянно проживавших в ней, в т.ч. тех, чьи заявления о предоставлении убежища были отвергнуты. Такие меры должны предприниматься вплоть до дальнейшего уведомления. ...

31. В свете развития и изменения ситуации в Сирии, возможно, имеет смысл пересмотреть дела сирийцев, которым в прошлом было отказано в предоставлении убежища в том объеме, который еще не был осуществлен, для того, чтобы обеспечить, чтобы те, кто в результате изменившихся обстоятельств получил право на подачу ходатайства о предоставлении убежища, получили бы

возможность его рассмотрения, что позволит им воспользоваться защитой и получением социальной помощи, вытекающих из их признания беженцами».

78. В докладе УВКБ ООН от 1 июля 2014 г., озаглавленном «Сирийские беженцы в Европе: Что Европа может сделать для обеспечения защиты и солидарности», говорится:

«Военный конфликт в Сирии продолжается уже четвертый год, и по мере того, как гуманитарная ситуация продолжает ухудшаться, количество насильственно перемещенных людей достигло рекордного уровня. В Египте, Ираке, Иордании, Ливане и Турции зарегистрировано или ожидается регистрации свыше 2,8 миллионов беженцев, свыше 6,5 млн. человек являются внутренне перемещенными лицами внутри Сирии. Это один из самых серьезных гуманитарных кризисов в новейшей истории, и потребуется еще больше поддержки, поскольку страны, принимающие подавляющее большинство беженцев, делают все возможное, чтобы справиться с необходимостью заботы о столь большом количестве людей. ...

Хотя, как было отмечено, реакция и практики, касающиеся сирийцев, прибывающих в Европу, изменились, могут быть выявлены основные тенденции. УВКБ ООН приветствовало положительные методы защиты граждан Сирии многими европейскими странами, в т.ч. введение фактического моратория на возвращение в Сирию, решение многих стран рассматривать заявления сирийцев и высокую степень защиты. ...

Защита палестинских беженцев и гуманитарная ситуация, в которой они оказались в Сирии, продолжают ухудшаться, поскольку практически все районы проживания большого количества палестинских беженцев непосредственно охвачены конфликтом. До начала этого конфликта в Сирии жило примерно 540 000 палестинских беженцев. По подсчетам Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), 63 процента зарегистрированных палестинских беженцев переместились либо в пределах Сирии, либо бежали в соседние страны. УВКБ ООН охарактеризовало бегство мирных жителей из Сирии как исход беженцев и считает, что палестинские беженцы, прежде постоянно проживавшие в Сирии, нуждаются в международной защите».

79. В Общемировом докладе «Хьюман райтс уотч» от 2104 г. (31 января 2014 г.) о Сирии говорилось:

«С начала возникновения военного конфликта сотрудники служб безопасности подвергли десяти тысяч лиц произвольным арестам, незаконным задержаниям, насильственным похищениям, жестокому обращению и пыткам с помощью обширной сети мест заключения в Сирии. В основном задерживались молодые мужчины в возрасте от 20 до 40 лет, но арестам также подвергались дети, женщины и пожилые люди».

80. Доклад «Информация о стране и руководящие указания, Сирия: безопасность и гуманитарная ситуация», опубликованный МИД Великобритании в декабре 2014 г., гласит:

“1.4 Краткое изложение политических мер

Судебная практика показывает, что претендент на получение политического убежища, которому было отказано в его предоставлении, или лицо, возвращаемое туда насильно, по возвращении в Сирию, вероятно, в целом

столкнется с реальной опасностью ареста и заключения под стражу, а также и с серьезным ненадлежащим обращением во время такого содержания под стражей в связи с приписываемыми ему политическими взглядами. Эта ситуация может быть иной, если человек, который (несмотря на то, что ему было отказано в предоставлении убежища) все равно будет рассматриваться после возвращения в Сирию в качестве сторонника режима Асада.

Таким образом, большинство граждан Сирии, вероятно, имеют право на защиту, предоставляемую беженцам, если только им не отказано в ней.

В том случае, если на человека не распространяется действие защиты, предоставляемой беженцам, на него также не распространяется действие гуманитарной защиты, но он может иметь право на получение дискреционного разрешения на пребывание в стране или ограниченного разрешения на пребывание в стране.

Гуманитарный кризис – он продолжает усиливаться – носит такой характер, что для многих возвратившихся возвращение приведет к нарушению Статьи 3 Европейской конвенции по правам человека.

Уровень беспорядочного насилия в главных городах и районах Сирии, где ведутся боевые действия, таков, что имеются существенные основания полагать, что любой человек сталкивается с реальной опасностью причинения вреда его жизни или здоровью, просто по причине нахождения там в течение какого-либо периода времени.

Крайне маловероятно, что перемещения внутри Сирии для того, чтобы избежать опасности подвергнуться неразборчивому насилию возможны или обоснованы в связи с крайне ограниченной возможностью перемещаться и перемещаться безопасно из одной части Сирии в другую и в связи с непредсказуемостью возможности подвергнуться насилию в местах предполагаемого перемещения вкупе с гуманитарной ситуацией для тех, кто перемещается внутри страны».

81. В своего двенадцатом докладе, обнародованном 19 февраля 2015 г., о реализации резолюций Совета Безопасности ООН 2139 (2014), 2165 (2014) и 2191 (2104) по Сирии, Генеральный секретарь ООН отметил, помимо прочего, что ситуация в этой стране продолжает характеризоваться масштабным конфликтом и высокой степенью насилия и что характер военных действий, ведущихся всеми сторонами, продолжает характеризоваться повсеместным игнорированием норм международного гуманитарного законодательства и защиты мирных жителей.

IV. ДОКУМЕНТ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ДЕЛУ КИМ ПРОТИВ РОССИИ (№ 44260/13)

82. Документ, озаглавленный «Информация, полученная от Российской Федерации по поводу дела «Ким против России» (Жалоба № 44260/13) ДН-DD(2015)527» содержал план действий, направленный на выполнение постановления, в котором было обнаружено нарушение Статьи 3 и Статьи 5 § 1 (f) и 5 § 4 в связи с

условиями содержания под стражей, самим содержанием под стражей и отсутствием пересмотра в течение двух лет в ожидании высылки заявителя Р.А. Ким. Правительство сообщило, что это постановление было переведено на русский язык и размещено на нескольких профессиональных порталах, в т.ч., на портале Генеральной прокуратуры, МВД и на сайте интрасети Верховного суда РФ, что делает его доступным для всех судей и судов общей юрисдикции РФ. Возможность внесения поправок в законодательство будет обсуждаться в декабре 2015 г.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ

83. В соответствии с Правилем 42 § 1 Регламента Суда, Суд принимает решение объединить эти жалобы, учитывая их схожую фактическую и юридическую подоплеку.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 2, 3 И 13 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С РАСПОРЯЖЕНИЕМ О ВЫСЫЛКЕ ЗАЯВИТЕЛЕЙ В СИРИЮ

84. Заявители сообщили, что их высылка в Сирию, если она будет осуществлена, приведет к нарушению их права на жизнь и запрета пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, предусмотренных в Статьях 2 и 3 Конвенции. Они также заявили, что они не располагают эффективными внутрirosсийскими средствами судебной защиты в отношении этих нарушений в нарушение Статьи 13. Эти Статьи в соответствующей части гласят:

Статья 2

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. ...»

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Доводы сторон

1. Правительство

85. Правительство заявило, что заявители не использовали все средства правовой защиты. На момент подачи жалоб их ходатайства о предоставлении убежища и (или) временного убежища еще не были рассмотрены последней инстанцией. Более того, они не подавали ходатайства до задержания в связи с нарушением иммиграционного законодательства.

86. Кроме этого, Правительство заявило, что во время разбирательств, связанных с административным выдворением, особенно во время судебного заседания, заявители представили краткую информацию общего характера о причинах, которые предположительно препятствуют их возвращению. Документы, подтверждающие их заявления, были представлены только к заседанию, состоявшемуся 27 мая 2014 г. в Калужском областном суде, и были либо утратившими актуальность, например, «Обновление I» от декабря 2012 г., имевший отношение к документу УВКБ ООН «Соображения относительно международной защиты, касающейся лиц, бегущих из Сирийской Арабской Республики», либо носили столь общий характер, что не имели возможность характеризовать индивидуальную ситуацию каждого из заявителей. В качестве примера Правительство представило копии двух судебных решений, где граждане Сирии смогли добиться отмены распоряжений о высылке (см. пункты 71 и 73 этого постановления).

87. Конкретная информация, например, информация, касающаяся разрушения их домов и смерти членов их семей, была представлена А.А и Л.М. только 27 мая 2014 г. Значительная задержка в донесении их опасений до российских органов власти породила сомнения относительно достоверности информации, содержащихся в их ходатайствах.

88. Наконец, Правительство подчеркнуло, что 17 июля и 15 октября 2014 г. заявители подали заявления с просьбой не рассматривать их ходатайства о предоставлении статуса беженца и временного убежища. Такая непоследовательность не позволила ФМС рассмотреть их жалобы по существу. Рассмотрение жалобы А.А. оставалось незаконченным в связи с его бегством из центра временного содержания иностранных граждан в августе 2014 г. и отсутствием контактов с органами власти с тех пор. Правительство высказало мнение, что в этой ситуации дальнейшее рассмотрение жалобы А.А. было невозможно.

89. Учитывая вышесказанное, Правительство высказало мнение о том, что жалобы заявителей на основании Статей 2 и 3 должны быть отклонены в связи с неисчерпанностью внутрироссийских средств правовой защиты или в связи с их явной необоснованностью.

2. Заявители

90. Заявители сообщили, что вопрос об их высылке в Сирию рассматривался и решался в основном в рамках административных разбирательств, в ходе которых они представили многочисленные документы и доводы, указывающие на опасность нарушения Статей 2 и 3 в случае их возвращения. В судебных решениях от 15 и 16 апреля, а также 27 мая 2014 г. эти доводы учтены не были, каких-либо попыток рассмотреть их предпринято не было. Во время апрельских заседаний, проходивших в Районном суде, они высказали опасения, связанные с возвращением в Сирию. Во время заседания, состоявшегося 27 мая 2014 г., они представили обширную и подробную информацию о военном конфликте там и об опасности, с которой они столкнутся в случае своего возвращения. Среди этих документы были документы УВКБ ООН и ФМС, другая соответствующая информация, а также их подробные заявления. Заявители подчеркнули, что Л.М. является палестинцем без гражданства, и, таким образом, он особенно нуждается в международной защите, а А.А. и М.А. родом из Алеппо, где ожесточенные бои ведутся с 2013 г. Помимо этого, А.М указал, что оппозиционные силы убили несколько членов его семьи. После решения, принятого на этом заседании, решения об их высылке вступили в силу.

91. Заявители сообщили, что они представили органам власти в достаточной степени подробные, конкретные и подтвержденные свидетельства того, что в случае возвращения они столкнутся с реальной опасностью подвергнуться убийству или жестокому обращению. Помимо общей информации о стране происхождения, свидетельствующей о широком применении насилия в отношении мирных жителей, эта позиция основывалась на письмах УВКБ ООН, характеризующих ситуацию, в которой оказались заявители, и поддерживалась официальной позицией Федеральной службой судебных приставов и ФМС, на которую опирались заявители, ссылаясь на невозможность возвращения в Сирию и обоснованность их ходатайств о предоставлении убежища.

92. В этой ситуации судебные решения, поддерживающие административное выдворение в качестве дополнительной санкции, не основывались на оценке конкретной ситуации и не учитывали важные факторы, имеющие отношение к делу. Несмотря на эти веские и подробные свидетельства, в решениях Областного суда от 27 мая 2014

г. просто говорилось, что информация о непрекращающейся гражданской войне и предполагаемой опасности жизни и безопасности заявителей «не являются достаточными основаниями для недопущения высылки заявителей».

93. Что касается имевшихся средств судебной защиты, заявители сообщили, что их заявления о возможных нарушениях статей 2 и 3 в случае их возвращения должны были быть приняты во внимание в ходе разбирательств, касающихся административного выдворения. По их мнению, это являлось наиболее подходящим и эффективным способом решения этого вопроса. Они подчеркнули, что тот факт, что их ходатайства о предоставлении статуса беженца и (или) временного убежища были поданы к моменту проведения судебного заседания в Областном суде, состоявшемся 27 мая 2014 г., не помешал суду подтвердить законность их высылки, таким образом, сводя к нулю возможные гарантии отсутствия принудительного возвращения, содержащиеся в соответствующих международных и внутрироссийских правовых документах.

94. Более того, Районный суд отказался отсрочить приведение в исполнение рассматриваемых решений, обосновывая свою позицию тем, что высылка все еще возможна.

95. Поскольку Правительство заявило, что процедура рассмотрения возможности предоставления статуса беженца и временного убежища является эффективным средством судебной защиты, которое можно было использовать, заявители подчеркнули, что российская система характеризуется серьезными недостатками, которые на практике делают ее недоступной для них. В частности, они указали на то, что, хотя претенденты на получение убежища были проинформированы о решении ФМС не предоставлять им убежище и статус беженца, текст соответствующего решения в ФМС пришлось получать им самим. Заявители могут подавать жалобу в компетентный суд только после получения текста соответствующего решения. Таким образом, ходатайство А.А. было отвергнуто 26 марта 2014 г., и заявитель, не получавший юридической помощи и не говоривший по-русски, не знал о необходимости получить это решение. Это очевидно из замечаний Правительства от 10 сентября 2014 г., в которых оно указало, что А.А. не предпринял необходимых мер для получения решения от 13 августа 2013 г. На практике эти средства судебной защиты были недоступны и, следовательно, заявители не могли воспользоваться ими.

96. Кроме этого, заявители сообщили, что «отказы», подписанные ими в центре временного содержания иностранных граждан, были получены под психологическим давлением и в отсутствии контакта с их представителями; заявители не понимали, что они делают. Это подтвердилось последующими заявлениями заявителей и предоставленной ими информацией.

97. Что касается М.А., он не отзывал свое последнее ходатайство о предоставлении убежища, оно было отвергнуто 19 сентября 2014 г. Опять-таки, он не мог получить полный текст этого решения и не имел возможности связаться с родственниками или представителями для обжалования этого решения. Эта информация полностью подтверждалась родственниками М.А. и его жалобой.

98. По мнению заявителей, указанные выше обстоятельства также обнаруживали нарушение Статьи 13, поскольку они не смогли добиться содержательного рассмотрения своих заявлений об опасности, грозившей их жизням и безопасности в случае возвращения ни в одной из использовавшихся процедур.

В. Мнение Суда

1. Приемлемость для рассмотрения по существу

99. Сначала суд должен рассмотреть довод Правительства относительно неисчерпанности средств правовой защиты. Он отмечает, что заявители высказали свои опасения относительно обращения, противоречащего Статьям 2 и 3, в случае возвращения в Сирию, во время трех типов процедур: процедур, касавшихся их административного выдворения в связи с незаконным пребыванием, и процедур, касавшихся рассмотрения возможности предоставления статуса беженца и временного убежища. Заявители сообщили, что хотя разбирательства, связанные с административным выдворением, завершены, и решения судов об их высылке остаются в силе, процедура рассмотрения ходатайств о предоставлении статуса беженца и временного убежища оказалась неэффективной и недоступной.

100. Вначале Суд отмечает, что российское законодательство запрещает высылку лиц, чьи ходатайства о предоставлении статуса беженца и (или) временного убежища ожидают рассмотрения (см. пункты 66 и 67 этого постановления). Он подчеркивает, что в том случае, если заявитель добивается предотвращения высылки из государства-участника, средство правовой защиты является эффективным только в том случае, если оно обладает автоматическим приостанавливающим действием. И наоборот, если средство правовой защиты не обладает автоматическим приостанавливающим действием, от заявителя обычно требуется использовать такое средство судебной защиты. Судебный пересмотр (в тех случаях, когда он доступен и когда подача ходатайства о судебном пересмотре является препятствием для высылки) должен рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты, которым заявители должны в принципе воспользоваться до подачи жалобы в Суд или выдвижения требований применить временные меры на основании Правила 39

Регламента Суда для отсрочивания высылки (см. *Н.А. против Великобритании*, № 25904/07, § 90, 17 июля 2008 г.; и, наоборот, *М.А. против Кипра*, № 41872/10, §§ 131-43, 23 июля 2013 г.; см. также *Гайратбек Салиев против России*, № 39093/13, § 41, 17 апреля 2014 г., в котором Правительство признало, что средства судебной защиты, не обладающие автоматическим приостанавливающим действием в связи с высылкой, не являются эффективными).

101. Кроме этого, Суд соглашается с тем, что успешный результат разбирательств, связанных с предоставлением статуса беженца и (или) временного убежища может обеспечивать заявителям реальную возможность упорядочить ситуацию, в которой они находятся, и получить официальные гарантии невыдворения, пока этот статус продолжает оставаться в силе. Суд прежде уже устанавливал, что такие решения являются частью эффективного государственного средства правовой защиты в тех случаях, когда упорядочивание иммиграционного статуса заявителя с помощью процедуры предоставления временного убежища и выдачи в связи с этим разрешения на временное пребывание сопровождалось отменой распоряжений о выдаче и (или) высылке (см. *Тухтамуродов против России* (реш.), № 21762/14, § 37, 20 января 2015 г., и схожие выводы в контексте Статьи 8, *Эвалака-Куму против России* (реш.), № 20953/03, 4 февраля 2010 г.). Суд рассматривает соответствующую информацию, представленную заявителями иммиграционным властям, в качестве неотъемлемой части, обосновывающей их опасения подвергнуться жестокому обращению в нарушение Статьи 3 (см. *Й. против России*, № 20113/07, §§ 87-88, 4 декабря 2008 г.; *Шакуров против России*, № 55822/10, §§ 132-13, 5 июня 2012 г.; и *Кожжаев против России*, № 60045/10, §§ 85-87, 5 июня 2012 г.).

102. В то же время, Суд отмечает, что в России решение о депортации заявителя с территории РФ, принимаемое в ходе разбирательств о высылке или административном выдворении, остается действительным, несмотря на подачу ходатайства о предоставлении статуса беженца и (или) временного убежища. Соответственно, рассматривая такие жалобы, Суд в первую очередь уделяет особое внимание таким разбирательствам, поскольку они являются основой для жалобы, подаваемой на основании Статьи 3. Суд счел, что вынося решение по вопросу возможности депортации, анализ, осуществляемый российскими органами власти, в т.ч. судами, должен включать в себя соответствующие доводы о жестоком обращении, высказываемые заявителями, в связи с абсолютным характером Статьи 3 (см. *Егамбердыев против России*, № 34742/13, § 44, 26 июня 2014 г., и *Халиков против России*, № 66373/13, § 37, 6 июля 2015 г.).

103. В этой связи необходимо напомнить, что критерии для предоставления статуса беженца не совпадают с критериями, используемыми для оценки опасности обращения, противоречащего Статье 3 Конвенции. Следовательно, тот факт, что апелляция на это решение ожидает рассмотрения, сам по себе не является препятствием для рассмотрения Судом жалобы на основании Статьи 3 по существу дела, если запрос о выдаче или высылке остается в силе (см. *Касымахунов против России*, № 29604/12, § 125, 14 ноября 2013 г.; *Рахимов против России*, № 50552/13, § 94, 10 июля 2014 г.; и *дело Халикова*, упоминалось выше, § 37). Этот подход основывается на том принципе, что в случае наличия нескольких средств судебной защиты, которыми человек может воспользоваться, он имеет право выбрать то, которое соответствует его основной проблеме (см. *Кроук против Ирландии* (реш.), № 33267/96, 15 июня 1999 г., и *Желичич против Боснии и Герцеговины* (реш.), № 41183/02, 15 ноября 2005 г.).

104. В данном деле во время заседаний Районного суда, посвященных вопросу высылки, заявители ссылались на военные действия и опасность, которой подвергались их жизни (см. пункт 11 этого постановления). В самом деле, эти заявления носили довольно общий характер, но заявители не говорят по-русски, и хотя они, по всей видимости, могли воспользоваться услугами переводчика, у них не было юридического представителя, который мог бы им помочь. Таким образом, неудивительно, что их участие было довольно ограниченным. В своих апелляционных заявлениях заявители с помощью представителей изложили подробную подтвержденную информацию о ситуации в Сирии, например, данные об ожесточенных боях, ведущихся в районах, откуда они родом, а также более конкретные оценки, приведенные УВКБ ООН (см. пункт 12 этого постановления). Решения от 27 мая 2014 г. были окончательными, они подтверждали распоряжения о высылке и остаются в силе по сей день в отношении всех трех заявителей. В отдельном постановлении от той же даты, принятом в отношении Л.М., Калужский областной суд подтвердил действительность распоряжения о высылке несмотря на ходатайство о предоставлении убежища, которое ожидало рассмотрения (см. пункт 14 этого постановления).

105. Более того, заявители сообщили, что их содержание в центре временного содержания иностранных граждан не позволяло им эффективно участвовать в разбирательствах, касающихся предоставления статуса беженца и убежища. Хотя они и подали соответствующие ходатайства, они утверждали, что их дважды заставляли подписать документы, согласно которым они отказывались от своих ходатайств; позднее они отозвали свои отказы в связи с тем, что они были даны под давлением, а также в связи с отсутствием переводчика и невозможностью воспользоваться юридической

помощью. В многочисленных жалобах, поданных представителями заявителей, указывалось на серьезные ограничения в общении заявителей с внешним миром, которые не могли не оказать влияния на возможность заявителей участвовать в апелляционных разбирательствах (см. пункты 32, 33 и 47-54 этого постановления). Когда один из заявителей, М.А., подал апелляцию на решение не предоставлять ему убежище, он был лишен возможности участвовать в соответствующих разбирательствах (см. пункт 36). В этой ситуации Суд не может не сделать вывода о том, что в этом деле заявители на практике не имели возможности участвовать в разбирательствах, касающихся решения вопроса о предоставлении им статуса беженца и убежища, и, следовательно, эти разбирательства не могут рассматриваться в качестве средства правовой помощи, к которому они могли прибегнуть.

106. Соответственно, Суд отвергает возражения Правительства, касающиеся неисчерпанности средств правовой защиты.

107. Помимо этого, Суд отмечает, что эти жалобы не являются очевидным образом необоснованными в том смысле, который имеется ввиду в Статье 35 § 3 (а) Конвенции, и что они не являются неприемлемыми для рассмотрения по существу по каким-либо иным причинам. Таким образом, они должны быть объявлены приемлемыми для рассмотрения по существу.

2. Существо дела

(а) Общие принципы

108. Соответствующие общие принципы, касающиеся применения Статьи 3, были недавно кратко изложены Судом в деле *Мамажонов против России* (№ 17239/13, §§ 127-35, 23 октября 2014 г.). Они также применяются по отношению к Статье 2 Конвенции (см., например, *Кабулов против Украины*, № 41015/04, § 99, 19 ноября 2009 г., и *М.А. против Кипра*, упоминалось выше, § 133). В данном деле вопросы, возникающие в связи со Статьями 2 и 3 Конвенции, являются неразрывными, и поэтому Суд будет рассматривать их вместе (см. *К.А.В. против Швеции*, № 886/11, § 67, 5 сентября 2013 г.).

109. Что касается ходатайств, подаваемых в России в основном заявителями из Центральной Азии, Суд сформулировал основные моменты, которые должны быть внимательно изучены. Во-первых, необходимо рассмотреть, представил ли заявитель государственным властям информацию относительно существенных оснований полагать, что он сталкивается с серьезной опасностью подвергнуться жестокому обращению в той стране, куда его намереваются депортировать. Во-вторых, Суд рассмотрит, было ли такое заявление соответствующим образом рассмотрено и оценено компетентными

государственными органами, исполняющими свои процедурные обязанности в соответствии со Статьей 3 Конвенции, и подтверждались ли в достаточной степени их выводы соответствующими материалами. Наконец, учитывая все существенные аспекты дела и имеющуюся соответствующую информацию, Суд оценит наличие существенной опасности подвергнуться пыткам или обращению, противоречащему нормам Конвенции (см. дело *Мамажонова*, упоминалось выше, §§ 136-37, с дополнительными ссылками).

(b) Наличие обоснованных оснований полагать, что заявители сталкиваются с реальной опасностью смерти и (или) жестокого обращения и их оценка государственными органами

110. Учитывая вышесказанное, Суд сосредоточит свое внимание на рассмотрении жалобы заявителей в контексте разбирательств, проводившихся в соответствии с КОАП (см. пункты 100-04). Суд отмечает, что во время этих разбирательств заявители оспаривали возможность высылки. Они заявляли, что они родом из Алеппо и Дамаска, где, начиная с 2012 г. ведутся ожесточенные бои, затрагивающие мирных жителей. Помимо информации о конфликте в Сирии общего характера, они указали на действия ФМС в отношении лиц, прибывших из Сирии, и рекомендацию УВКБ ООН не осуществлять высылку в Сирию, а также информацию, предоставленную Федеральной службой судебных приставов, о невозможности обеспечить возвращение в эту страну. Заявители ссылались на похожее дело, рассматривавшееся в Санкт-Петербурге, по которому городской суд вынес решение о невозможности высылки и отмене дополнительного наказания в виде высылки (см. пункты 12 и 72 этого постановления). В апелляционных заявлениях также говорилось о том, что заявители обратились за предоставлением убежища в России (см. пункт 12 этого постановления).

111. После этого заявители во время проведения разбирательств, связанных с рассмотрением вопроса о предоставлении статуса беженца и временного убежища, предоставили органам власти дополнительную конкретную информацию об опасностях, с которыми они столкнутся в случае возвращения в Сирию (см. пункты 37-39 этого постановления), которая были либо отвергнута, либо была неполной по причинам, изложенным выше (см. пункт 105 этого постановления).

112. Наконец, Суд принимает во внимание то, что факт прибытия значительного количества беженцев из Сирии и потребности этих людей в получении международной защиты не мог не быть известен соответствующим органам власти, что подтверждается позицией ФМС, которая была доведена до сведения Областного суда (см. пункт 12 этого постановления).

113. В этой ситуации Суд считает, что заявители представили государственным органам власти информацию, позволяющую сделать вывод о том, что в случае депортации их жизни и личная безопасность будут подвергнуты угрозе. Вопрос относительно того, были ли эти заявления в достаточной степени оценены компетентными государственными органами, остается открытым.

(с) Обязанность рассмотреть и оценить заявления о наличии реальной опасности жестокого обращения, основывающиеся на достаточном материале, имеющем отношение к делу

114. Суд отмечает, что заявители в российских судах сообщали, что в результате высылки они столкнутся с реальной опасностью подвергнуться обращению, противоречащему Статьям 2 и 3; по мнению Правительства, этот довод был в достаточной степени рассмотрен российскими судами и отвергнут ими.

115. Что касается разбирательств, в результате которых было принято распоряжение о высылке, Суд отмечает, что рассмотрение российскими судами в основном сводился к установлению того, что их нахождение в России являлось нелегальным. Как Малоярославецкий районный суд, так и Калужский областной суд решили обойтись без подробного обсуждения опасностей, о которых сообщали заявители, и широкого спектра международных и российских источников, в которых характеризовалась ситуация в Сирии. В этой связи Суд напоминает, что, учитывая абсолютный характер Статьи 3, невозможно оценивать опасность жестокого обращения в сопоставлении с причинами, выдвинутыми для высылки (см. *Абдулхани и Каримния против Турции*, № 30471/08, § 91, 22 сентября 2009 г.). Позиция судов по этому делу вызывает особое сожаление, поскольку существует общенациональная практика, согласно которой российские суды, в т.ч. Верховный суд, при рассмотрении административных правонарушений в иммиграционной сфере принимают во внимание и придают достаточное значение доводам о реальной опасности подвергнуться жестокому обращению, выдвигаемым заявителями. В результате такого рассмотрения распоряжения о высылке иногда отменяются (см. пункты 71-73 этого постановления).

116. Заявители и Федеральная служба судебных приставов попытались отменить эти распоряжения или как минимум добиться их приостановки; однако суды в одинаковой степени пренебрегли этими заявлениями и сосредоточили свое внимание на характере совершенных правонарушений, а не на оценке сообщений заявителей, сделанных на основании Статей 2 и 3 (см. пункты 14-17 этого постановления).

117. Суд уже пришел к выводу о том, заявители пытались подать ходатайства о предоставлении убежища и статуса беженца, но у них не было возможности эффективно участвовать в этих разбирательствах (см. пункты 101-05 этого постановления).

118. Учитывая вышесказанное, Суд считает, что утверждения заявителей не были должным образом рассмотрены российскими органами власти ни в одном из проводившихся разбирательств. Таким образом, он должен оценить, существует ли реальная опасность того, что заявители в случае их возвращения в Сирию могут подвергнуться обращению, противоречащему Статьям 2 и (или) 3.

(d) Наличие реальной опасности жестокого обращения или угрозы жизни

119. Суд отмечает, что если в случае высылки общая ситуация в стране характеризуется насилием, то это обычно не влечет за собой нарушения Статьи 3 (см. *Х.Л.Р. против Франции*, 29 апреля 1997 г., § 41, *Сборник постановлений и решений 1997-III*); однако, он никогда не исключал возможность того, что если общая ситуация в какой-либо стране высылки характеризуется таким уровнем насилия, то можно сделать вывод о том, что любая высылка туда неизбежно приведет к нарушению Статьи 3 Конвенции. Тем не менее, Суд придерживается такого подхода только в самых серьезных случаях, когда существует реальная опасность подвергнуться жестокому обращению просто на основании того, что человек подвергнется такому насилию по возвращению (см. *Н.А. против Великобритании*, № 25904/07, § 115, 17 июля 2008 г.).

120. Для сравнения: рассматривая ситуации в различных частях Сомали, Суд пришел к выводу, что опасность общей ситуации насилия, тяжелых гуманитарных условий и отсутствия возможности перемещения внутри страны без опасности подвергнуться риску жестокого обращения могут привести к признанию нарушения Статьи 3, если только не может быть в достаточной степени продемонстрировано, что обеспечить безопасность человека могут особые обстоятельства, например, принадлежность к могущественному клану или семье (*Суми и Элфи против Великобритании*, № 8319/07 и 11449/07, §§ 293-96, 28 июня 2011 г.).

121. Оценивая интенсивность конфликта в Могадишо, Суд в деле *Суфии и Элми* (упоминалось выше) применил приведенные ниже критерии, которые были предложены Судом Великобритании по делам предоставления убежища и иммиграции в *AM & AM* ((вооруженный конфликт: категории риска) Сомали CG [2008] UKAIT 00091, § 241):

«Во-первых, использовали ли стороны конфликта методы и тактику ведения военных действий, которые увеличивали опасность возникновения жертв среди мирного населения или были прямо нацелены на мирных жителей; во-вторых,

является ли масштабным использование сторонами конфликта таких методов и (или) тактики; в третьих, носят ли военные действия локальный или широко распространенный характер; и, наконец, количество, гражданских лиц, убитых, пострадавших или перемещенных в результате ведения боевых действий».

122. Суд отмечал, что «хотя эти критерии не должны рассматриваться в качестве исчерпывающего списка, применимого ко всем случаям, которые могут возникнуть в будущем», они представляют собой «определенное мерило, с помощью которого можно оценивать уровень насилия в Могадишо в контексте этого конкретного дела» (*там же*). Делая вывод об уровне насилия в Могадишо, Суд в деле *Суфши и Элми* (упоминалось выше) учел «беспорядочные обстрелы, бомбежки и нападения, осуществляемые всем сторонами конфликта, неприемлемое количество жертв среди мирного населения, значительное количество лиц, перемещенных внутри города и покинувших его, а также непредсказуемый и обширный характер этого конфликта» (*там же.*, § 248).

123. Возвращаясь к этому делу, Суд отмечает, что он еще не принимал постановления, в котором бы оценивались утверждения о возможности наступления опасности для жизни или жестокого обращения в связи с продолжающимся военным конфликтом в Сирии. Это, безусловно, отчасти обусловлено тем, что, как следует из соответствующих документов УВКБ ООН, большинство европейских стран в настоящее время не осуществляет принудительную высылку в Сирию. В октябре 2014 г. УВКБ ООН «приветствовало положительные способы защиты, применяемые многими европейскими странами по отношению к гражданам Сирии, в т.ч., введение фактического моратория на возвращения в Сирию, решение рассматривать заявления сирийцев во многих странах и высокую степень защиты». В последних докладах ООН эта ситуация описывается как «гуманитарный кризис», говорится о «безмерных страданиях» мирного населения, массовых нарушениях прав человека и гуманитарного законодательства всеми сторонами конфликта и проистекающего из этого перемещения почти половины населения этой страны (см. пункты 76, 77, 80 и 81 этого постановления).

124. Суд отмечает, что заявители родились и жили в Алеппо и Дамаске, где ведутся особенно ожесточенные бои. М.А. ссылаясь на убийство родственников вооруженными повстанцами, которые захватили квартал, в котором он жил; он опасался, что тоже будет убит. Л.М. является палестинцем без гражданства. По данным УВКБ ООН, «почти все районы, в которых проживает большое количество палестинских беженцев, непосредственно затронуты военным конфликтом». Эта группа рассматривалась УВКБ ООН в качестве лиц, которые нуждаются в международной защите. Помимо этого, суд отмечает, что заявители являются молодыми людьми, а люди такого

возраста, по мнению Хьюман Райтс Уотч, подвергаются особенной опасности подвергнуться аресту и жестокому обращению (см. пункт 79 этого постановления).

125. Приведенная выше информация достаточна Суду, чтобы прийти к выводу о том, что заявители высказали обоснованные утверждения о том, что их возвращение в Сирию приведет к нарушению Статей 2 и (или) 3 Конвенции. Правительство не высказало каких-либо доводов и не представило соответствующей информации, которые могли бы опровергнуть эти утверждения, и не ссылались на какие-либо особые обстоятельства, которые могли бы обеспечить достаточную защиту заявителей в случае их возвращения.

126. Приведенных выше соображений достаточно для того, чтобы Суд пришел к выводу о том, что высылка заявителей в Сирию приведет к нарушению Статей 2 и (или) 3 Конвенции.

127. Поскольку заявители сообщали о нарушении Статьи 13, Суд отмечает, что он уже рассмотрел это утверждение в связи со Статьями 2 и 3 Конвенции. Учитывая результаты этого рассмотрения, он не видит необходимости в отдельном рассмотрении этой жалобы по существу (см., среди других документов, *Гафоров против России*, № 25404/09, § 144, 21 октября 2010 г.; *Хайдаров против России*, № 21055/09, § 156, 20 мая 2010 г.; и *Ходжаев против России*, № 52466/08, § 151, 12 мая 2010 г.).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

128. Заявители пожаловались на то, что условия их содержания в центре временного содержания иностранных граждан для иностранных граждан и противоречили Статье 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Мнения сторон

129. В качестве основания для своей жалобы на основании этой Статьи заявители перечислили следующие факторы: словесные оскорбления и физическое насилие со стороны сотрудников центра временного содержания иностранных граждан, нарушение неприкосновенности частной жизни, ограничение доступа к услугам переводчика и юридической помощи, отсутствие возможности совершать прогулки и заниматься физкультурой на свежем воздухе, а также отсутствие медицинской помощи. Они ссылались на свои жалобы и affidavits, представленные ими и их представителям. Они

полагали, что совокупное действие всего вышеперечисленного приравнивается к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Помимо этого, они ссылались на предыдущие выводы Суда относительно нарушения Статьи 3 в связи с условиями содержания в центрах временного содержания иностранных граждан иностранных граждан, ожидающих высылки, и заявили, что условия нахождения там, как правило, не соответствуют требованиям Конвенции.

130. Правительство заявило, что условия содержания заявителей под стражей в центре не нарушали Статью 3. Оно ссылалось на минимальные стандарты, предусмотренные соответствующим законодательством (см. пункты 74 и 75 этого постановления), и указало, что эти требования соблюдались центром временного содержания иностранных граждан в Калужской области. Что касается условий содержания заявителей под стражей, Правительство обратило внимание на то, что М.А. и Л.М. содержались в помещении площадью 47 кв.м., рассчитанном на нахождение шести задержанных; у каждого из находящихся там лиц имелось личное пространство площадью почти восемь кв.м., личная постель и постельные принадлежности. В помещении имелись большие окна, через которые в помещение беспрепятственно проникал свет, вентиляция, по вечерам включалось искусственное освещение, заключенные могли пользоваться туалетом, кроме этого, к их услугам имелась общая ванная комната при условии подачи предварительного заявления (см. пункт 60 этого постановления). Физическими упражнениями можно было заниматься каждый день (см. пункт 58 этого постановления). В штате центра имелись медицинские работники, которые предоставляли необходимую помощь заключенным, в т.ч. заявителям (см. пункт 59 этого постановления).

В. Мнение Суда

131. Суд уже установил, что условия содержания иностранных граждан в некоторых российских центрах временного содержания иностранных граждан гарантии, предусмотренные в Статье 3. При этом Суд учел постоянную чрезмерную переполненность таких центров, которая была достаточно серьезной, чтобы послужить основанием для признания нарушения Статьи 3 Конвенции, рассматриваемого на фоне практически отсутствовавших упражнений на свежем воздухе и недостатка санитарно-гигиенических помещений (см. *Ким против России*, № 44260/13, § 32, 17 июля 2014 г.).

132. Поскольку заявители пожаловались на эти существенные условия, Правительство представило подробное описание жилых помещений, к которому прилагались соответствующие документы и

другие свидетельства. Л.М. подтвердил во время встречи с ним, состоявшейся 17 декабря 2014 г., что основные условия содержания не создавали особых проблем, связанных с переполненностью помещений, отсутствием личного пространства, невозможностью соблюдать гигиену или принять душ или отсутствием возможности заниматься упражнениями на свежем воздухе (см. пункт 52 этого постановления). М.А. не высказывался по этому поводу.

133. Основываясь на информации, предоставленной сторонами, Суд приходит к выводу о том, что условия содержания заявителей в Калужском центре временного содержания иностранных граждан соответствуют описанию, содержащемуся в материалах, предоставленных Правительством (см. пункт 129 этого постановления). Принимая во внимание все вышесказанное, основные условия содержания заявителей в центре временного содержания иностранных граждан, по всей видимости, не могут считаться бесчеловечными или унижающими достоинство.

134. Что касается жалоб заявителей на жестокое обращение и словесные оскорбления со стороны сотрудников центра, Суд отмечает, что информация о двух таких случаях, произошедших в августе 2014 г., была представлена Л.М. и М.А. 17 декабря 2014 г. во время их свиданий со своими представителями (см. пункты 52 и 53 этого постановления). После подробной информации представлено не было; эти заявления не подтверждаются какими-либо иными свидетельствами, например, жалобами в соответствующие органы власти или медицинскими заключениями.

135. Поскольку заявители пожаловались на отсутствие медицинской помощи, что может приравниваться к обращению, противоречащему Статье 3, Суд отмечает, что в заключениях о состоянии здоровья, представленных Правительством, указывается, что А.А. и Л.М. несколько раз прибегали к медицинской помощи, и что рекомендованное лечение привело к улучшению состояния их здоровья. Начиная с декабря 2014 г., заявители не обращались с жалобами на свое здоровье. Вообще-то, Л.М. сообщал, что в штате центра временного содержания иностранных граждан имелось четыре медсестры, которые осуществляли необходимое лечение (см. пункты 52 и 59 этого постановления).

136. Учитывая все вышесказанное, а также имеющийся в его распоряжении материал, Суд считает, что жалоба заявителей на основании Статьи 3 относительно условий их содержания под стражей не содержит каких-либо признаков нарушения прав и свобод, предусмотренных в Конвенции или Протоколах к ней. Из этого следует, что эта часть жалобы является явным образом недостаточно обоснованной и должна быть отвергнута в соответствии со Статьей 35 §§ 3 (а) и Статьей 4 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

137. Заявители пожаловались на нарушение Статей 5 § 1 (f) и 5 § 4. Статья 5 Конвенции в соответствующей части гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным....»

A. Приемлемость для рассмотрения по существу

138. Суд отмечает, что эта часть жалобы не является явным образом недостаточно обоснованной в том значении, которое приведено в Статье 35 § 3 (а) Конвенции. Помимо этого, он отмечает, что она не является неприемлемой для рассмотрения по каким-либо иным основаниям. Таким образом, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

B. Существо дела

139. Сначала Суд рассмотрит, существовала ли возможность эффективного контроля содержания заявителей под стражей, а затем не нарушало ли их содержание под стражей требований Статьи 5 § 1 (f) (см дело *Кима*, упоминалось выше, § 38, и *Азимов против России*, № 67474/11, §§ 146 и следующие, 18 апреля 2013 г.).

1. Соблюдение Статьи 5 § 4 Конвенции

140. Заявители сообщили, что у них не было доступа к результативному судебному пересмотру их содержания под стражей. Правительство оспорило это утверждение.

141. Суд напоминает, что с момента вынесения постановления по делу *Азимова*, которое основывалось на похожей жалобе (упоминалось выше, § 153), он обнаруживал нарушение Статьи 5 § 4 в целом ряде дел против России в связи с отсутствием какого-либо положения в российском законодательстве, которое позволяло бы заявителям

инициировать разбирательства для судебного пересмотра их содержания под стражей в ожидании высылки (см. дело *Кима*, §§ 39-43, и *Рахимова*, §§ 148-50, оба упоминались выше; *Акрам Каримов против России*, № 62892/12, §§ 199-204, 28 мая 2014 г.; а также дело *Егамбердыева*, упоминалось выше, § 64). В деле *Кима* Правительство признало нарушение Статьи 5 § 4 и, учитывая повторяющийся характер этого нарушения, Суд указал, что российские органы власти должны «предусмотреть в российской правовой системе механизм, который позволяет людям инициировать разбирательства для рассмотрения законности их содержания под стражей в ожидании высылки в свете информации, полученной в ходе разбирательств, касающихся высылки» (упоминалось выше, § 71).

142. Как и в указанных выше случаях, заявители в этом деле не имели возможности воспользоваться процедурой для судебного пересмотра законности их содержания под стражей. Соответственно, Суд считает, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции в отношении всех трех заявителей.

2. Соблюдение Статьи 5 § 1 (f) Конвенции

(а) Мнения сторон

143. Правительство оспорило эти утверждения. Оно высказало мнение, что поскольку распоряжение о высылке оставалось в силе, но было лишь временно приостановлено в связи с применением Судом временных мер, у органов власти продолжали иметься законные основания удерживать заявителей под стражей в ожидании высылки. Оно указало, что незаконное пребывание заявителей на территории России было сопоставлено с сохранением содержания под стражей в качестве меры, обеспечивающей соблюдение постановления российского суда. Помимо этого, оно указало, что соответствующие положения КОАП не предусматривают другой меры пресечения и что, следовательно, основания для освобождения заявителей, пока распоряжение о высылке остается в силе, отсутствовали (см. пункт 62 этого постановления). Правительство полагало, что хотя сроков содержания заявителей под стражей предусмотрено не было, максимальный срок действия административного выдворения составляет два года. В случае серьезных изменений ситуации, в которой находились заявители, они имели возможность добиваться пересмотра высылки в порядке надзора и вытекающих из нее распоряжений о заключении под стражу.

144. Заявители сообщили, что в решениях суда не была указана максимальная продолжительность их содержания под стражей. Помимо требования о том, что распоряжение о высылке должно быть исполнено в течение двух лет, в КОАП не содержится каких-либо

положений, регулирующих продолжительность содержания под стражей в ожидании высылки, и, следовательно, оно лишено юридической определенности. Более того, существовало противоречие между позицией Федеральной службой судебных приставов, которая считала, что высылка производиться не должна, и которая добивалась внесения изменений в соответствующие судебные решения, и судебными решениями, в которых подтверждалась действительность мер, в отношении которых были вынесены соответствующие решения (см. пункты 15-17 этого постановления). Наконец, заявители сообщили, что столь долгое пребывание в заключении значительно превышало максимальный срок заключения, предусмотренный в КОАП, и что их содержание под стражей в ожидании высылки носило карательный, не профилактический характер.

(b) Мнение Суда

145. Суд отмечает, что жалоба заявителей относится к периоду, начиная с 15 и 16 апреля 2014 г., когда Районный суд распорядился об их заключении под стражу с целью административного выдворения («высылки») из России (см. пункт 11 этого постановления), по настоящий день. Поскольку административное выдворение представляет собой разновидность «депортации» в том смысле, который подразумевается в Статье 5 § 1 (f) Конвенции, этот пункт применим к данному делу.

146. Лишение свободы, о котором говорится во второй части Статьи 5 § 1 (f), оправданно только в случае осуществления разбирательств, связанных с депортацией или высылкой. Если такие разбирательства проводятся не надлежащим образом, содержание под стражей перестает быть допустимым в соответствии со Статьей 5 § 1 (f) (см. *А. и другие против Великобритании* [GC], № 3455/05, § 170, ЕСПЧ 2009 г., с дополнительными ссылками). Помимо этого, Суд напоминает, что лишение свободы на основании Статьи 5 § 1 (f) Конвенции должно соответствовать материальным и процедурным нормам государственного законодательства. Однако соблюдения государственного законодательства недостаточно: Статья 5 § 1 требует дополнительно, что лишение свободы должно соответствовать цели защиты человека от произвола. Понятие «произвола» в Статье 5 § 1 простирается за пределы соблюдения государственного законодательства, поэтому содержание под стражей может быть законным с точки зрения внутреннего законодательства, но все-таки произвольным, и, таким образом, противоречащим Конвенции. Для того, чтобы не расцениваться в качестве произвольного, содержание под стражей на основании Статьи 5 § 1 (f) должно осуществляться с честными намерениями; оно должно быть тесно связано с основаниями для содержания под стражей, на которые опирается

Правительство, место и условия содержания под стражей должны быть подходящими, а продолжительность содержания под стражей не должна превышать срок, обоснованно необходимый для преследуемой цели (см. *Саади против Великобритании* [GC], № 13229/03, § 74, ЕСПЧ 2008; дело *Азимова*, упоминалось выше, § 161; и *Рустамов против России*, № 11209/10, § 150, 3 июля 2012 г., с дополнительными ссылками).

147. Стороны согласны с тем, что до своего задержания заявители проживали в России незаконно и, таким образом, совершили административное правонарушение, которое может наказываться высылкой. Суд считает, что 15 и 16 апреля 2014 г. распоряжение об их заключении под стражу в ожидании высылки было отдано судом соответствующей юрисдикции и в связи с совершением административного правонарушения, караемого высылкой. Соответственно, Суд приходит к выводу о том, что первоначальное решение, на основании которого заявители были заключены под стражу, соответствовало букве российского законодательства. Более того, ввиду недостаточности доводов относительно ситуации в Сирии, представленных заявителями во время судебных заседаний, можно с уверенностью полагать, что, на протяжении этого первоначального периода их содержания под стражей, в отношении заявителей предпринимались действия с целью их депортации, поскольку органы власти на той стадии, по-видимому, продолжали изучать возможность их высылки (см. *Гибремедхин [Габерамадхиен] против Франции*, № 25389/05, § 74, ECHR 2007-II).

148. Тем не менее, в апелляционных заявлениях, поданных в Калужский областной суд, заявители четко указали, ссылаясь на соответствующие российские источники, что высылка в Сирию невозможна (см. пункт 12). 27 мая 2014 г. Областной суд поддержал решения о высылке и заключении под стражу, не рассмотрев доводы относительно возможности высылки. В отдельном постановлении Областной суд отказался удовлетворить ходатайство Л.М. об отмене наказания в виде высылки, ссылаясь исключительно на административное правонарушение, которое он совершил (см. пункт 14 этого постановления). В июне 2014 г. Федеральная служба судебных приставов потребовала от этого суда отстрочить выполнение решений о высылке, указав, что высылка не может быть осуществлена. Суд снова отказался, ссылаясь на отсутствие юридических оснований для отсрочки высылки (см. пункт 15-17 этого постановления). В результате, даже несмотря на наличие достаточного материала, свидетельствующего о невозможности предпринять какие-либо действия с целью депортации, содержание под стражей заявителей было признано обоснованным. Л.М. и М.А. продолжают оставаться в заключении по сей день, А.А. бежал из-под стражи и находится на

свободе с августа 2014 г. Соответственно, в обстоятельствах этого дела Суд приходит к выводу о том, что невозможно утверждать, что после 27 мая 2014 г. заявители являлись лицами, «против которых предпринимались действия с целью депортации или высылки». Таким образом, их содержание под стражей, осуществлявшееся после этого дня, не было допустимым в соответствии с исключением, касающимся предоставления права на свободу, предусмотренным в Статье 5 § 1 (f) Конвенции.

149. Суд напоминает, что в российском законодательстве отсутствуют положения, которые позволяли бы заявителям инициировать разбирательства для судебного пересмотра их содержания под стражей в ожидании высылки, и отсутствует автоматический пересмотр через равные промежутки времени (см. дело *Азимова*, упоминалось выше, § 153, и выводы Суда на основании Статьи 5 § 4, содержащиеся в этом постановлении). В результате даже несмотря на то что, как было отмечено выше, начиная с 27 мая 2014 г. каких-либо действий с целью высылки не предпринималось, заявители продолжают оставаться в заключении без указания сроков или условий, связанных с возможностью пересмотра.

150. Более того, Суд уже указал на отсутствие ясности относительно ситуации, в которой окажутся заявители после истечения двух лет, отводимых для выполнения решений на основании статьи 31.9 § 1 КОАП, поскольку очевидно, что с точки зрения иммиграционного законодательства они будут находиться в непонятной ситуации и могут снова подлежать высылке и, соответственно, заключению под стражу в связи с этим (см. дело *Егамбердыева*, § 62, и дело *Азимова*, § 171, оба упоминались выше).

151. Кроме этого, Суд отмечает, что максимальное наказание в виде лишения свободы за совершение административного правонарушения в соответствии с действующим КОАП составляет тридцать дней, и что содержание под стражей с целью высылки не должно носить карательный характер и должно сопровождаться соответствующими защитными мерами, предусмотренными Конституционным судом России. В этом деле «профилактическая» мера была гораздо строже «карательной», что не является нормальным (см. дело *Азимова*, упоминалось выше, § 172).

152. Учитывая высказанные выше соображения, Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 (f) Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

153. Заявители также пожаловались на основании Статьи 34 Конвенции на то, что ограничения на общение с их представителями препятствовали их возможности результативно обмениваться

информацией с Судом. Они также указали на отсутствие переводческих услуг, что дополнительно затрудняло их эффективное участие в разбирательствах в Суде. Статья 34 Конвенции в соответствующей части гласит:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица..., которое утверждает, что явилось жертвой нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

154. Правительство оспорило жалобы заявителей. Оно указало, что ограничения на свидания заявителей со своими представителями были обоснованными и не ограничивали их право на обмен информацией с Судом. Оно указало на то, что ежедневный распорядок центра временного содержания иностранных граждан распространяется на всех заключенных, а не только на заявителей, что каждый день выделяется время для таких свиданий, что телефонные разговоры с представителями, письма и посылки не ограничивались и могли служить дополнительным средством коммуникации. Правительство подчеркнуло, что, хотя представитель заявителей г-жа Голованчук встретила с заявителями 17 декабря 2014 г., она не подавала каких-либо ходатайств в каких-либо иных случаях и они, соответственно, не были отклонены.

155. Заявители оставили свою жалобу в силе.

156. Суд напоминает, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, предусмотренной Статьей 34, имеет огромную важность то, что заявители или потенциальные заявители имеют возможность свободно обмениваться информацией с Судом, не подвергаясь какой-либо форме давления со стороны представителей органов власти, направленного на отзыв их жалоб или внесение в них изменений (см. *Маматкулов и Аскарлов против Турции* [GC], №№ 46827/99 и 46951/99, § 102, ЕСПЧ 2005-I). В связи с этим под «давлением» подразумевается не только прямое насилие и очевидные действия, направленные на запугивание, но также другие ненадлежащие косвенные действия или контакты, направленные на отговаривание или понуждение заявителей отказаться от использования средства правовой защиты, предусмотренного Конвенцией. Тот факт, что человек смог подать жалобу, не снимает вопроса, возникающего в связи со Статьей 34: если действия Правительства затрудняли осуществление его права на подачу жалобы, то это приравнивается к «препятствованию» осуществлению его права, предусмотренного Статьей 34 (см. *Акдивар и другие против Турции*, 16 сентября 1996 г., §§ 105 и 254, *Сборник 1996-IV*). Намерения или причины, лежащие в основе рассматриваемых действий или бездействия, неважны для оценки того, были ли соблюдены

требования Статьи 34 Конвенции; важно то, соответствует ли ситуация, возникшая в результате действий или бездействия органов власти Статье 34 (см. *Палади против Молдовы* [GC], № 39806/05, § 87, 10 марта 2009 г.).

157. Суд уже установил в нескольких делах, что меры, ограничивающие контакты заявителя со своим представителем, могут расцениваться в качестве препятствия к осуществлению его права на подачу личной жалобы (см., например, *Штукатуров против России*, № 44009/05, § 140, 27 марта 2008 г., в котором запрет на посещения адвоката вкупе с запретом на общение по телефону и переписку был признан противоречащим обязательствам Государства-ответчика, предусмотренным в Статье 34 Конвенции). Однако Суд согласился с тем, что соблюдение представителем определенных формальных требований перед получением разрешения на свидание с задержанным, возможно, необходимо, например, по соображениям безопасности или для предотвращения сговора или препятствованию ходу расследования или отправлению правосудия (см. *Мельников против России*, № 23610/03, § 96, 14 января 2010 г.). В то же время, чрезмерные формальности в таких вопросах, например, формальности, которые фактически препятствуют потенциальному заявителю эффективно пользоваться своим правом на подачу жалобы, были признаны неприемлемыми. В тех случаях, когда от представителя заявителя, адвоката НПО, требовалось представить решение суда, разрешающее ей выступать в качестве представителя защиты, при этом предоставление такого разрешения определялось дискреционными полномочиями судьи первой или апелляционной инстанции, это являлось препятствием осуществлению его права на подачу личной жалобы (см. *Захаркин против России*, № 1555/04, § 158, 10 июня 2010 г.). И наоборот, когда внутренние формальности было легко выполнять и заявитель имел возможность встречаться с другими представителями, и проистекающая из этого задержка в предоставлении свиданий не была чрезмерной, какого-либо вопроса на основании Статьи 34 не возникало (см. *Lebedev v. Russia*, № 4493/04, §§ 119, 25 October 2007).

158. Возвращаясь к этому делу, Суд отмечает, что интересы заявителей в Суде представляла г-жа Н.Голованчук, адвокат, осуществляющая свою юридическую деятельность в Москве. Суд соглашается с Правительством в том, что, по-видимому, ходатайств о проведении каких-либо других свиданий кроме того, которое состоялось 17 декабря 2014 г., не подавалось.

159. В то же время, Суд напоминает, что во время общения с представителями российских органов власти и лицами, которые представляли их интересы в Суде заявители полагались не только на свидания с лицами, которые представляли их интересы в Суде и

которые живут в Москве, но также на возможность свиданий с местными адвокатами и правозащитниками. В многочисленных жалобах указывается, что в этих свиданиях заявителям либо отказывалось, либо они обуславливались формальностями, которые было трудно соблюсти (см. пункт 39 этого постановления и далее). В частности, из писем из центра временного содержания иностранных граждан следует, что для того, чтобы встретиться со своим представителем, как заключенный, так и его представитель должны заблаговременно подавать письменные ходатайства, которые должны быть заверены нотариусом и составлены в присутствии переводчика (см. пункт 41 этого постановления). Эти требования применялись к члену коллегии адвокатов П.К.; ему было отказано в доступе к заявителям на основании письма-соглашения об оказании услуг (см. пункт 50 этого постановления). Попытки г-жи Любови М.-Е. встретиться с заявителями тоже ни к чему не привели (см. пункты 42 и 43 этого постановления). Кроме этого, у заявителей, по-видимому, не было возможности пользоваться телефоном, и они, таким образом, не имели возможности поддерживать необходимую связь со своими представителями.

160. Суд отмечает сообщение заявителей о том, что их заставили подписать заявления, в которых содержалась просьба отозвать ходатайства о предоставлении убежища и отказ от встречи с г-жой Любовью М.-Е. (см. пункты 46 и 47 этого постановления). Эти заявления были позднее отозваны Л.М. и М.А. как полученные под психологическим воздействием и без участия переводчика; оба заявителя настаивали на том, что они хотели, чтобы их ходатайство о предоставлении убежища было рассмотрено, и хотели получать помощь г-жи Любови М.-Е. (см. пункты 48, 49 и 52-55 этого постановления). Суд напоминает, что независимо от того, равносильны ли контакты между органами власти и заявителем неприемлемой практике с точки зрения Статьи 34, должно определяться в свете конкретных обстоятельств дела. В связи с этим необходимо учитывать уязвимость подателя жалобы и его подверженность влиянию, оказываемому на него представителями органов власти (см. *Князев против России*, № 25948/05, § 117, 8 ноября 2007 г., с дополнительными ссылками). Позиция заявителя может быть особенно уязвимой, когда он находится в заключении и когда его контакты с членами семьи и окружающим миром носят ограниченный характер (см. *Котлет против Румынии*, № 38565/97, § 71, 3 июня 2003 г.). Помимо того, что они находились в заключении, заявители очень плохо владели русским языком и были лишены связей с членами семьи и знакомыми, что особенно влияло на их подверженность действию неприемлемых практик. Они пожаловались, что рассматриваемые заявления, оказавшие негативное влияние на разбирательства, которые

представляли жизненно важный интерес для них, были получены под давлением. Суд с озабоченностью отмечает отсутствие сколь-либо содержательной реакции на эти жалобы со стороны соответствующих органов власти, в которых содержались серьезные заявления о такой практике.

161. Таким образом, несмотря на несколько попыток добиться свиданий, М.А. и Л.М. встретились со своим представителем всего один раз, 17 декабря 2014 г. у М.А. было одно свидание с братом и его женой, оно состоялось 22 октября 2014 г. и продолжалось примерно десять минут. До своего побега из центра временного содержания иностранных граждан А.А. не встречался с представителем (см. пункты 20-22 и 39 этого постановления). Не представляется вероятным, что заявители могли общаться с кем-либо по телефону или обмениваться письменными сообщениями; в действительности такие попытки активно пресекались сотрудниками администрации (см., в частности, пункты 43 и 49 этого постановления).

162. Учитывая вышесказанное, Суд считает, что имеются достаточные основания полагать, что общению заявителей с их представителями чинились серьезные препятствия. Получение разрешений на проведение свиданий было настолько затруднено, что выходило за рамки обычных формальностей и может считаться чрезмерно осложненным; в течение месяцев заявители не имели возможности связаться со своими представителями и, таким образом, не имели возможности эффективно участвовать в разбирательствах, осуществляемых российскими органами власти, или в разбирательствах в Суде.

163. Учитывая вышесказанное, Суд считает, что ограничения, которые налагались на общение заявителей с их представителями, являлись препятствием для осуществления их права на подачу индивидуальной жалобы, что противоречит обязательствам Государства-ответчика, предусмотренным в Статье 34 Конвенции. Таким образом, Суд приходит к выводу, что Государство-ответчик не выполнило свои обязательства, предусмотренные этой Статьей.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЕЙ 46 И 41 КОНВЕНЦИИ

А. Статья 46 Конвенции

164. Соответствующие части Статьи 46 Конвенции гласят:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

165. Суд напоминает, что на основании Статьи 46 Конвенции Договаривающиеся стороны обязуются выполнять окончательные постановления Суда по любому делу, сторонами которого они являются, при этом выполнение постановлений контролируется Комитетом министров. Из этого следует, *помимо прочего*, что постановление, в котором суд обнаруживает нарушение Конвенции или Протоколов к ней налагает на Государство-ответчика обязательство не просто выплатить соответствующим сторонам суммы, присужденные путем справедливой компенсации, но также выбрать (при условии контроля со стороны Комитета министров) общие и (или), если применимо, индивидуальные меры, которые должны стать частью его внутреннего правового режима, чтобы положить конец нарушению, обнаруженному Судом, и устранить, насколько это возможно, его последствия (см. *Ментеш и другие против Турции* (Статья 50), 24 июля 1998 г., § 24, *Сборник 1998-IV; Скоцари и Джиунта против Италии* [GC], №№ 39221/98 и 41963/98, § 249, ЕСПЧ 2000-VIII; и *Маестри против Италии* [GC], № 39748/98, § 47, ЕСПЧ 2004-I). Соответствующее Государство должно выбрать, при условии контроля со стороны Комитета министров, средства, которые будут использоваться в его внутреннем правовом режиме для выполнения его обязательства, предусмотренного Статьей 46 Конвенции (см. *Скоцари и Джиунта против Италии*, упоминалось выше; *Брумарешку против Румынии* (справедливая компенсация) [GC], № 28342/95, § 20, ЕСПЧ 2001-I; и *Окалан против Турции* [GC], № 46221/99, § 210, ЕСПЧ 2005-IV).

166. Однако для того, чтобы помочь Государству-ответчику выполнить его обязательства, предусмотренные в Статье 46, Суд может постараться указать тип индивидуальных и (или) общих мер, которые могут быть предприняты для того, чтобы положить конец обнаруженной им ситуации (см. *Броньовски против Польши* [GC], № 31443/96, § 194, ЕСПЧ 2004-V, и *Скоппола против Италии* (№ 2) [GC], № 10249/03, § 148, 17 сентября 2009 г.).

167. В определенных ситуациях Суд может в виде исключения указать, чтобы Государство-ответчик использовало конкретное средство судебной защиты или другую меру (см., например, *Ассанидзе против Грузии* [GC], № 71503/01, пункт 14 оперативной части постановления, ЕСПЧ 2004-II; *Олександр Волков против Украины*, № 21722/11, § 208, ЕСПЧ 2013 г.; *Дел Рио Прада против Испании* [GC], № 42750/09, § 139, ЕСПЧ 2013 г.; и *Амиров против России*, № 51857/13, § 118, 27 ноября 2014 г.). В тех случаях, когда Суд использует такой подход, он осуществляет это с надлежащим уважением к соответствующим функциям органов Конвенции: оценка реализации индивидуальных и общих мер, предусмотренных в Статье 46 § 2 Конвенции, ложится на Кабинет министров (см. *Кудешкина*

против России (№ 2) (реш.), № 28727/11, § 58, 17 февраля 2014 г., с дополнительными ссылками).

168. В этом деле Суд считает необходимым для выполнения этого постановления, учитывая его вывод относительно нарушения Статьи 5 § 1 (f) Конвенции, распорядиться о применении индивидуальных мер. Он обнаружил нарушение этой Статьи и пришел к выводу о том, что после 27 мая 2014 г. содержание заявителей под стражей не подпадало под действие списка исключений права на свободу, предусмотренных в Статье 5 § 1 (f) Конвенции, поскольку «не предпринималось каких-либо действий для их депортации или высылки». Более того, как уже установил Суд, это содержание под стражей не сопровождалось необходимыми процедурными гарантиями; ожидается, что для исправления этой ситуации Государство-ответчик предпримет общие меры (см. дело Кима, упоминалось выше, § 71).

169. Учитывая конкретные обстоятельства этого дела и насущную необходимость положить конец нарушению Конвенции, которое он обнаружил, Суд считает необходимым обязать Государство-ответчик обеспечить незамедлительное освобождение заявителей Л.М. и М.А. из-под стражи.

В. Статья 41 Конвенции

170. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

1. Ущерб

171. Заявители настаивают, что им должны быть компенсированы страдания, понесенные ими в результате выявленных нарушений, и потребовали выплатить компенсацию за нанесение им морального ущерба. Они оставили определение суммы компенсации на усмотрение Суда.

172. Правительство заявило, что не считает выплату компенсации необходимой.

173. Поскольку заявители подали жалобы на основании статей 2 и (или) 3, их насильственное возвращение в Сирию приведет, в случае его осуществления, к нарушению этих статей. Соответственно, в этом деле еще не произошло нарушения Конвенции на основании этой Статьи. Суд считает, что его выводы относительно этой жалобы сами по себе приравниваются к соответствующей справедливой

компенсации в соответствии со Статьей 41 (см. дело *Рахимова*, упоминалось выше, § 156).

174. Помимо этого, Суд отмечает, что он обнаружил в этом деле другие нарушения Конвенции. Он считает, что заявителям был нанесен моральный ущерб, который не может быть компенсирован исключительно признанием нарушения Конвенции. Таким образом, в качестве компенсации морального ущерба Суд присуждает каждому заявителю 9 000 евро плюс все налоги, которыми могут облагаться эти суммы. Что касается А.А., Суд отмечает, что после августа 2104 г. его местонахождение остается неизвестным. В этой ситуации Суд считает уместным, чтобы присужденная сумма хранилась у представителей этого заявителя на условиях доверительной собственности до тех пор, пока эта сумма не будет передана этому заявителю (см. *Хирси Джамаа и другие против Италии* [GC], № 27765/09, § 215, и пункт 12 оперативной части, ЕСПЧ 2012 г.; *Лабси против Словакии*, № 33809/08, § 155 и пункт 6 оперативной части, 15 мая 2012 г.; и дело *Мамажонова*, упоминалось выше, § 231).

2. Затраты и расходы

175. Помимо этого, заявители потребовали выплатить им 8,600 евро в качестве компенсации затрат и расходов, понесенных в Суде. Они заявили, что г-жа Голованчук потратила на это дело восемьдесят шесть часов, ее почасовая ставка составляла 100 евро.

176. Правительство полагало, что эти заявления являются неуместными и необоснованными.

177. В соответствии с судебной практикой Суда, заявитель имеет право на компенсацию затрат и расходов только в том случае, если было продемонстрировано, что они были понесены фактически и неизбежно, и их объем является обоснованным. В этом деле, учитывая имеющиеся у него документы и приведенные выше критерии, а также то, что в отношении части этой жалобы не было обнаружено нарушения, Суд считает справедливым присудить затребованную сумму, которая покрывает затраты по всем статьям плюс все налоги, которые могут взиматься с заявителей.

3. Проценты за просроченный платёж

178. Суд считает, что проценты за просроченный платеж должны рассчитываться на основании предельной учётной ставки Европейского центрального банка, к которой необходимо прибавить три процентных пункта.

VII. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

179. Суд отмечает, что в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции это постановление не вступит в законную силу до тех пор, пока (a) стороны не объявят, что они не будут требовать, чтобы это дело было передано на рассмотрение в Большую палату; (b) не истечет три месяца со дня принятия этого постановления, если не будет предъявлено требование передать это дело на рассмотрение в Большую палату; (c) Коллегия арбитров Большой палаты не отклонит запрос о передаче ей дела в соответствии со Статьей 43 Конвенции.

180. Суд отмечает, что формально заявители продолжают подлежать административному выдворению на основании постановлений российских судов, вступивших в законную силу. Учитывая вывод о том, что их высылка в Сирию приведет к нарушению Статей 2 и 3, Суд считает, что указание, данное Правительству на основании Правила 39 Регламента Суда (см. пункт 4 этого постановления), должно оставаться в силе до тех пор, пока это постановления не вступит в силу, или впредь до дальнейшего уведомления.

В СВЯЗИ С ЭТИМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Принимает решение объединить жалобы;*
2. *Объявляет жалобы на основании Статей 2 и 3 относительно высылки заявителей и на основании Статей 5 и 13 приемлемыми для рассмотрения по существу, а остальную часть жалоб неприемлемой для рассмотрения по существу;*
3. *Постановляет, что насильственное возвращение заявителей в Сирию приведет к нарушению Статей 2 и (или) 3 Конвенции;*
4. *Постановляет, что необходимость в рассмотрении жалобы, подаваемой на основании Статьи 13, совместно со Статьями 2 и (или) 3 Конвенции, отсутствует;*
5. *Постановляет, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции;*
6. *Постановляет, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 (f) Конвенции;*
7. *Постановляет, что Государство-ответчик не выполнило свои обязательства, предусмотренные Статьей 34 Конвенции;*
8. *Постановляет, что Государство-ответчик должно обеспечить незамедлительное освобождение заявителей Л.М. и М.А.;*

9. *Постановляет,*

(а) что Государство-ответчик должно выплатить заявителям в течение трех месяцев с того дня, когда это постановление вступает в силу в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, указанные ниже суммы, которые должны быть конвертированы в российские рубли по курсу обмена на день выплаты:

(i) 9 000 (девять тысяч) евро плюс все налоги, которыми может облагаться эта сумма, в качестве компенсации нематериального ущерба;

(ii) 8,600 (восемь тысяч шестьсот) евро плюс все налоги, которыми может облагаться эта сумма, в качестве компенсации затрат и расходов;

(b) что с момента истечения указанных выше трех месяцев до уплаты на указанные выше суммы должны начисляться простые проценты по ставке, равной предельной учётной ставке Европейского центрального банка плюс три процентных пункта;

10. *Принимает решение* предписать Правительству на основании Правила 39 Регламента Суда, что в интересах надлежащего ведения разбирательств желательно не высылать заявителей до того времени, пока это постановление не вступит в законную силу или впредь до дальнейшего извещения.

Составлено на английском языке и доведено до всеобщего сведения в письменной форме 15 октября 2015 г. в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Регистратор

Андраш Сайо
Председатель

ПРИЛОЖЕНИЕ

Жалоба №	Инициалы	Дата рождения	Дата въезда в Россию	Дата заключения под стражу	Разбирательства, связанные с высылкой
40081/14	Л.М.	20 июня 1988 г.	9 февраля 2013 г.	14 апреля 2014 г.	Малоярославецкий районный суд 16 апреля 2014 г.; Калужский областной суд 27 мая 2014 г.
40088/14	А.А.	15 января 1987 г.	21 апреля 2013 г.	15 апреля 2014 г.	Малоярославецкий районный суд 15 апреля 2014 г.; Калужский областной суд 27 мая 2014 г.
40127/14	М.А.	25 февраля 1994 г.	21 апреля 2013 г.	14 апреля 2014 г.	Малоярославецкий районный суд 15 апреля 2014 г.; Калужский областной суд 27 мая 2014 г.